

ВАДИМ ПАНОВ

ДЕНЬ
ДРАКОНА

ЭКСМО

ТАЙНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов
День Дракона

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

День Дракона / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2006 — (Тайный Город)

ISBN 5-699-19744-3

Его звали Ярга. Он был героем, которого предали. Предателем, от которого отвернулись герои. Живой легендой, знаменем целого народа... и его постарались забыть. Слишком мрачной оказалась легенда, слишком страшным – знамя. Его заточили в подземной темнице под властью непреодолимого заклятия, но даже за многие тысячелетия плена неукротимый дух не утратил стремления к свободе и сумел вырваться из тюрьмы, чтобы устремиться туда, где среди современного мегаполиса незримо для посторонних глаз живут потомки прежних хозяев Земли, – в Тайный Город! И насмешнице-судьбе было угодно, чтобы Ярга, чье имя означало «Повелитель драконов», столкнулся с Витольдом Унгером, рыцарем из ложи Дракона...

ISBN 5-699-19744-3

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Панов

День Дракона

Пролог

В обычный день над степью обязательно парил бы орел. Высоко-высоко. Почти незаметный с земли, с уверенностью настоящего хозяина рассекал бы он голубое, лишенное даже намека на облака пространство, зорко высматривая добычу. Орлы не взлетают просто так, орлы поднимаются в небо, чтобы убивать. Для этого им даны широкие крылья, острый клюв и когти.

Только для этого.

Орлы это знают, и мы это знаем.

В обычный день в степи пролилась бы кровь неудачливого зверька, обагрила острый клюв царя птиц, наплатила силой мощные крылья, дала бы орлу возможность жить. В обычные дни смерть приходит с неба.

Но не сегодня.

Сегодня орлы не парили в вышине, несмотря на прекрасную, идеально подходящую для охоты погоду. Попрятались бесстрашные птицы, не рискнули покинуть гнезда, потому что знали: лучше быть голодным, чем мертвым. Да и не получилась бы сегодня охота, ибо примеру грозных орлов последовали все обитатели степи. У кого были норы – не вылезали на поверхность, кто привык полагаться на ноги – бежал подальше, кто не мог спрятаться или убежать – ложился на землю, скрывался в высокой траве и трясся от страха, надеясь, что его не заметят.

Все знали, что сегодня в степном уделе другие цари пируют со смертью.

...Они явились вдруг.

Черной рекой хлынули из сотен одновременно открывшихся порталов. Полноводной рекой. Широкой. Показалось даже, что степь просела под их неудержимым потоком, что грудь ее, только что гордо подставленная солнцу, вдруг стала впалой и хилой. Показалось, что сама земля испугалась пришествия темной реки, каждая капля которой – облаченный в черное воин. Испугалась их всех и каждого в отдельности. Испугалась и затаилась здравомысленно, подобно мелким тварям, ползающим по ее груди. Испугалась, потому что тоже знала о готовящемся пире. Да и как не знать? Ведь земля принимает тлен, принимает кровь, принимает последнее дыхание, в нее впиваются пальцы умирающих, а потому знает она о смерти больше всех.

И еще земля знала, что не за птицами пришли темные, и не за прячущимися в норах, и не за бегущими подальше. Не замечала перепуганных зверьков черная река, и каждая ее капля в отдельности не замечала, не желала им зла. Не ради них цари мира поставили в степи столы и призвали на пир саму смерть.

А ради тех, кто жил здесь до темных.

Ради тех, кто владел совершенным миром по праву первого, но не смог подтвердить свое право силой. Ради тех, кто чуть раньше горел в небе и умирал на земле, кого не спрятали ни пещеры, ни толща морской воды, ни дремучие леса, ни далекие острова. Ради тех, кто знал, что обречен.

На широких степных просторах шли приготовления к грандиозной битве. К последней битве Первой войны. И гарки, быстро, но без суеты формирующие боевые порядки, жадно всматривались в шесть гладких, отполированных до зеркального блеска башен, расположенных в небольшой низине. Шесть сверкающих башенок в низине, вокруг которой с угрожающей

скоростью расплзлось черное озеро. Шесть сверкающих башенок в низине, напоминающей последний остров.

Последний остров первых обитателей Земли.

Глава 1

«В эти дни военно-исторический клуб „Дружина Молодая“ проводит очередной, ставший уже традиционным турнир по историческому фехтованию. Несколько дней назад, в преддверии старта соревнований, наш корреспондент взял интервью у почетного президента клуба Мечеслава Ивановича Сокольников. „Скажите, почему „Дружина Молодая“ не проводит широкого представления события?“ – „Турнир исторического фехтования является серьезным мероприятием, уровень его участников необычайно высок, и мы не хотим превращать столь интересное и значимое событие в зрелище для толпы. Новых членов мы привлекаем в клуб другими способами“. – „Поэтому местонахождение летнего лагеря „Дружины Молодой“ держится в строгом секрете?“ – „Совершенно верно. Есть члены клуба, есть гости, получившие именные приглашения, только они смогут принять участие в боях. Только те, кто умеет сражаться...“

(«МК-Московия»)

«Как уже сообщалось, спортивный канал „Тиградком“ обеспечит самое полное освещение проходящего в Подмоскowie юношеского турнира Зеленого Дома. Вас ждут не только репортажи с места поединков и состязаний, но также интервью, обзоры прошедших событий с комментариями лучших воинов Тайного Города. А подключив услугу „букмекер-диван“, вы сможете сделать ставку на Тотализаторе, не выходя из дому. Напоминаем, что точное расписание боев становится известным в день их проведения, следите за изменениями в программе...»

(«Тиградком»)

* * *

Сибирь, верховья реки Вилюй,

2 августа, среда, 04:01 (время местное)

Дух или тело?

Крепость духа или крепость тела? Сила воли или сила руки?

Что важнее?

Молодые расы часто задаются этим вопросом. Все они ищут единственно верный ответ, непререкаемую, неоспоримую истину. Ключ к пониманию сущего.

Мужественные атлеты, способные удержать на плечах само небо.

Хрупкие женщины, ради спасения ребенка проламывающие каменные стены.

Дикая орда, сметающая со своего пути любые препятствия.

Могучие воины, проигрывающие сражение горстке уступающих им по всем статьям ополченцев. Знающим, что не имеют права проиграть. Знающим, что даже смерть не станет для них оправданием.

Крепость духа или крепость тела?

Бывает так, что выбранный ответ определяет путь развития целого народа. Приоритеты становятся маяками для десятков, а то и сотен поколений. Направление признается единственно верным, несогласные высмеиваются, в лучшем случае – высмеиваются, а нация с восторгом смотрит на великих силачей. Или на хрупких дистрофиков, умерщвляющих плоть ради торжества духа. Философы разрабатывают требуемые теории, правители устраивают в честь героев праздники, общество знает, куда идет.

До тех пор, пока не потерпит сокрушительное поражение.

Крепость духа или крепость тела?

Каждая молодая раса задается этим вопросом. И рано или поздно ответ будет найден: разумная гармония. Как трудно иногда бывает подобрать то, что лежит на поверхности. Ломаются копья, страждущие рыщут в лабиринтах познания, уходит время, сменяют друг друга поколения, а потом, неожиданно, кто-то указывает на простой и короткий ответ. Не требующий доказательств. Истинный.

Любая раса может прийти к пониманию.

Если ей повезет дотянуть до зрелости.

Но прорывающегося к небу Яргу не волновали столь сложные материи. Его раса была одной из тех немногих, что отыскивали правильный ответ едва ли не мгновенно, едва ли не сразу, как только был поставлен вопрос. То ли слишком умные, то ли слишком прагматичные. Им не потребовались ни философские диспуты, ни практические опыты, они знали, какими хотят стать, и стали. И, не растратив себя на бессмысленные метания, добились очень и очень многого.

А потому Яргу интересовали вещи сугубо прикладные: не общая теория, на что способен свободный дух, а сможет ли он, лично он, остаться в живых? Жить Ярга хотел. Но жить так, как считал нужным, а потому рисковал, раз за разом бросаясь на штурм проклятых ворот. Свобода! Еще одна великая ценность и великая истина. Жить – значит быть свободным, и узник не жалел себя. Семь раз Ярга терпел поражение в попытках вырваться из плена, семь раз уходил от смерти в последний момент, возвращался в темницу... Но за отступлением следовала очередная подготовка, а затем – следующий приступ.

Ярга не умел сдаваться и продолжал штурмовать небо.

Маленький клочок которого призывно голубел в конце уходящего вертикально вверх тоннеля.

Жить – значит быть свободным. И Ярга рвался к небу, невзирая ни на что.

Он знал, что бесплотные духи не способны испытывать боль, это невозможно даже в самой смелой теории, ведь, лишившись тела, Ярга полностью избавился от связанных с его использованием неприятных нюансов. Боль – один из них. Но еще при самой первой попытке обрести свободу Ярга понял, что ошибался.

Слишком прочно, слишком умело наложили печати.

И поднимаясь по тоннелю, он испытывал дикую, невозможную, невообразимую боль.

Будто плоть его не сгнила тысячи лет назад, а продолжала гореть в закрывающих ворота заклинаниях, будто кто-то придумал способ, позволяющий нанести кровавую рану пустоте. Бесплотный дух стонал, чувствуя, как крошатся в порошок кости. Как тлеют сухожилия. Как пронзают кожу ледяные иглы. Ему казалось, что с ним играют лучшие палачи Темного Двора. Неспешно играют, приближаясь к развязке с безжалостной медлительностью, но...

Ярга поднимался вверх, к небу.

Ярга хотел на волю.

И готов был терпеть любую боль.

Он давно потерял счет проведенным в заточении годам. Сотни или тысячи? Для бесплотного духа разница на порядок несущественна. Тело сгнило, но враги просчитались: в тот миг, когда умерла израненная оболочка, Ярга уже не нуждался в ней. Предатели не знали, насколько сильным он успел стать. Они не рискнули спуститься за ним на последний уровень Крепости, сочли, что нанесенные ему раны достаточно тяжелы и Ярга не сумеет оправиться. Сбежали, заперев за собой ворота. И просчитались. За гибелью своего тела Ярга наблюдал со стороны.

Бесплотный и очень-очень злой.

Сначала Ярга думал, что вырваться из заточения не составит особого труда, однако умные и прагматичные враги использовали для закрытия врат самые сильные заклинания, а потому обретение свободы растянулось на века.

Или тысячелетия?

Бесплотному духу сложно управляться с материальными предметами, невозможно произнести заклинание. Маги, создающие духов, вкладывают в арканы дополнительные формулы, позволяющие фантомам обретать голос или возможность осязать. Но ведь Яргу не создавали. Он вырвался. Он спрятался от смерти. И помочь себе мог только сам. Он потратил десятки лет, чтобы научиться делать то, что умеет пятилетний малыш. Сотни – на возвращение способностей. Тысячи – на реализацию плана.

К счастью, у него имелась энергия.

Ярга так и не сумел взять под полный контроль темницу, но сумел уловить закономерности, понял, как работает созданная давным-давно Крепость.

А потом принялся штурмовать небо.

Еще дюйм! Еще два дюйма!!

Наверх! Через боль. Через смерть. На свободу!

В какой-то миг Ярге показалось, что на глазах у него выступили слезы. Что несуществующие железы выдавили из несуществующего тела соленые капли. И они полетели вниз, в бездонную тьму, из которой он рвался к небу.

Показалось.

Не было слез.

Но была боль.

И облака.

Далеко-далеко...

Если бы у Светозары спросили, почему она отправилась в это место, она бы не смогла объяснить.

Предчувствие? Непонятные ощущения? Полунамеки? Наверное – да, полунамеки. Тусклый шорох магических колокольчиков, разбросанных вокруг самой природой. Необъяснимое понимание, что происходит нечто... необычное.

Именно поэтому Светозара не стала ни с кем делиться подозрениями: слишком странными и непонятными были чувства. А еще колдунья вдруг подумала, что виной тому – прожитые годы. Решила, что слышит последний призыв, шепот тех, кто ушел. Решила, что наступает ее время...

Светозара была полна сил и здоровья, но каждый новый день приближал ее к закату, а если так, то чувства могут обманывать. И не следует звать тех, кому еще жить, ведь на последний призыв не ходят компанией.

И потому Белая Дама отправилась к источнику странного шороха одна.

Покинула территорию, за которой присматривала последние десятилетия, и устремилась на север, в ничейные земли.

Давным-давно, во время самой первой попытки вырваться, Ярга понял, что эфирная сущность – не лучший сосуд для хранения энергии. В темнице было много энергии, дух купался в ней, но при этом практически не накапливал, а потому, одновременно с приближающимся небом, совершенно нестерпимой болью и накатившим страхом, призывающим отступить и дождаться следующего раза, из Ярги уходила энергия. Он слабел. Он знал, что, лишившись ее, погибнет – даже бесплотному духу нужна подпитка. Но продолжал упрямо лезть вверх. Ярд за ярдом, фут за футом, дюйм за дюймом.

Извиваясь в страшных объятиях безжалостных заклинаний.

Там, наверху, свобода. Облака.

И новое тело.

Его наличие было обязательным условием плана и не позволяло Ярге использовать для побега любую представившуюся возможность. Он не мог выбраться в пустыне или посреди океана, в полярных шапках или иных безлюдных территориях. Незадолго до очередного открытия дороги на волю Ярга выбрасывал на поверхность тонкие, едва сочащиеся энергией щупальца, стараясь приманить к воротам разумного. Именно разумного – Ярга не мог жить в животном. И, если попытка удавалась, бросался на штурм неба.

Сегодня все произошло так же, как и в семи предыдущих случаях: подходящее тело ожидало нового хозяина на поверхности. Оставалось самое главное: стиснуть несуществующие зубы, перетерпеть невозможную боль, не дать панике овладеть собой и не броситься вниз, но и не рисковать больше необходимого, хладнокровно рассчитывать уровень опасности и не позволить защитным заклинаниям убить себя.

И вырваться.

Живым.

И Ярга поднимался.

А в черный провал тоннеля падали его призрачные слезы.

Светозара сразу поняла, что достигла цели, что нашла источник, посылавший слабые магические шумы, которые она приняла за последний призыв...

Он находился на довольно большой – не меньше ста ярдов в диаметре – поляне. Точнее, не он – они. По периметру поляны располагались шесть башен, гладкие стены которых были отполированы до зеркального блеска. Три из них заканчивались сферическими куполами, другие оставались открытыми, похожими на торчащие из земли трубы.

«Котлы!»

Белая Дама сразу же вспомнила о легендах, что ей доводилось слышать от местных челов. «Закрытые» башни действительно напоминали перевернутые металлические котлы, установленные на цилиндры: накрывающие трубы полусферы были несколько большего диаметра. Однако Светозара сомневалась, что в этой посуде когда-нибудь варили уху. К тому же излучение, идущее от них, давило на лес, Белая Дама слышала стоны травы и деревьев.

Вот уж точно: адские котлы.

Светозара остановилась на опушке, внимательно огляделась и только теперь заметила сидящую в центре поляны человскую девушку. И слабое, едва-едва заметное щупальце магической энергии, тянувшееся к ее голове от одной из «открытых» башен.

«Вот и разгадка!»

Нечто, выбравшееся из земли, пытается взять под контроль девчонку. Но что это за нечто? Откуда взялись «котлы»? Старинный магический комплекс, забытый какой-нибудь расой во время какой-нибудь древней войны? Очень похоже. Магический фон очень слабый, тощее щупальце можно перебить щелчком, так что, судя по всему, опасности никакой.

Белая Дама точно представляла, что следует делать дальше. Сначала освободить девочку от щупальца и вернуть туда, откуда она пришла, – в первую очередь соблюсти режим секретности. Затем необходимо вызвать магов Зеленого Дома...

...Тысячи лет заточения, подготовка, провалы, напряженная работа, дикая боль, мгновенная радость победы и... И такая неожиданность.

Появление колдуньи едва не спутало Ярге карты и, хуже того, – едва не погубило его самого. Самое страшное заключалось в том, что, явись ведьма на минуту позже, не торопись она навстречу судьбе, она бы даже не вспотела в схватке с вырвавшимся из темницы духом. Ибо через минуту Ярга собирался оказаться внутри приманенного тела. Слабого, обладающего, как выяснилось позже, лишь зачатками магических способностей, абсолютно недостаточных для полноценной схватки. В теле, которому полагалось стать временным хранилищем великого разума. Не более.

На минуту позже.

Но колдунья поторопилась.

Выскочила на поляну и ринулась к девочке, одновременно читая заклинание против щупальца.

«Столкнувшись с неизвестным, нужно быть осторожнее...»

Если бы у Ярги были губы, он бы улыбнулся.

На мгновение он подумал, что следует попытаться занять тело ведьмы, но тут же понял, что не справится. Ведьма старая, но еще крепкая, просто так из нее дух не вышибешь, проще убить. Тем более что Ярга уже догадался об источнике силы появившегося врага. Природа! Колдунья слилась с миром, питали ее земля и ветер, вода и деревья. Оборвать эту связь! Немедленно!

Ярга оценил оставшийся у него запас энергии, выбрал момент и расчетливо вложил в удар ровно столько сил, сколько требовалось.

Закружилась голова.

Неожиданно и очень сильно. Светозара не успела прикоснуться к человеческой девочке, не успела отрезать идущее из башни щупальце. Не дошла нескольких шагов. Не достроила заклинание. Остановилась. Пошатнулась.

Перед глазами поплыли круги. Ветер стих, словно кто-то, управляющий порывами воздуха, вдруг нажал педаль тормоза. Щелкнул выключателем, и шум деревьев пропал.

Все замерло.

А потом утренняя свежесть тайги сменилась запахом разложения. Атакой гнили. Миллиарды нитей, связывающих Белую Даму с миром, оказались перерезанными одним необычайно мощным ударом. Это было неожиданно. Это было невероятно.

Это было.

«Что происходит?»

Светозара поняла, что пропустила удар. Догадалась, что где-то на странной поляне притаился враг. Кто он? Откуда взялся? Из «котлов»? Наверняка...

Как ему противостоять?

Паника. В такие моменты нельзя задаваться вопросом: «Как?» Надо отвечать. Чем угодно отвечать. Только тогда появится шанс.

Но Белая Дама никогда не отличалась хорошей боевой подготовкой. В противном случае она вряд ли пропустила бы первый удар. В противном случае она, возможно, сумела бы инстинктивно найти способ противостоять появившемуся из ниоткуда противнику. В противном случае...

К тому же Светозара была стара. Ее энергия и мощь являлись следствием техники Белых Дам, результатом глубочайшей связи с природой. И стоило перерубить эту связь, как...

Снова появился ветер. Но на этот раз он был чужим, убийственно чужим. Ветер нес запах тлена. Ветер вдавливал этот запах в легкие, в поры, в самую душу. Ветер убивал.

Светозара едва слышно вскрикнула и опустила на колючую, враждебную траву.

Девушка медленно поднялась с земли, огляделась и сделала неуверенный шаг. Она двигалась дергано, как получившая свободу марионетка. Неумело. Неловко.

Она привыкала.

Подняла руку. Долго смотрела на ладонь, затем сжала и разжала кулак. Провела рукой по волосам. Расправила плечи.

«Как же здорово вновь обрести тело!»

Ветер, почти лишившийся запаха мертвечины, пошевелил распущенные волосы.

Девушка улыбнулась.

Попробовала улыбнуться. С третьей попытки ей удалось выдать более-менее приемлемую гримасу. Затем девушка посмотрела на мертвую ведьму. Со второй попытки сумела скрыть на лице презрительное выражение.

«Старая кошелка!»

Пнула мертвое тело ногой.

И вдруг Ярга понял, что его переполняют эмоции.

«Победа! Еще одна победа!»

Он не умел проигрывать. Не научился даже после жуткого поражения. Не захотел учиться. И правильно сделал, что не захотел. Умение проигрывать – достоинство неудачника. Ярга громко рассмеялся и подпрыгнул. Высоко вверх.

К небу.

* * *

Станция метро «Курская», Москва,

4 августа, пятница, 11:11

Из подземелий метро облаков не разглядеть.

Что вообще можно увидеть, когда железный червь уносит тебя в пустоту искусственной пещеры? Что видно, кроме тьмы за тонким оконным стеклом?

Кто-то из нас читает или делает вид, что читает, чтобы не подниматься, не уступить пожилой женщине место на жестком сиденье. Кто-то изучает карту подземки или рекламу. Кто-то разговаривает или спит. Или делает вид, что спит, закрывает глаза, потому что тьма за окнами вагона заставляет его нервничать. А кто-то разглядывает себя и попутчиков в зеркале подземелья, во мраке тоннеля, который видел миллионы взглядов и миллионы отражений. Разглядывает затемненные фигуры тех, кто стоит рядом, и тех, кого червь пронесил по этим пещерам вчера и год назад.

Разглядывает, потому что знает...

Что взгляды говорят о нас больше, чем паспорт. В них прячутся мысли и надежды, смех и переживания, любовь и ненависть. В них прячется наша жизнь. Или не прячется. Или видна как на ладони тем, кто умеет читать взгляды.

А тьме не дано читать, она умеет лишь помнить.

И потому, когда железный червь уносит тебя в пустоту искусственной пещеры, ты можешь увидеть тех, кто проезжал здесь до тебя. Увидеть их взгляды. Погрузиться в их жизнь. Прочитать ее под сумрачными сводами подземки.

В утренние часы Кольцевая линия метро заполнена весьма плотно. Станция, к которой подъезжал поезд, находилась под железнодорожным вокзалом, и у дверей, в ожидании остановки, терлись плечами люди с чемоданами и рюкзаками, баулами и сумками, орущими младенцами и сложенными колясками. Курский вокзал – один из самых больших в Москве. Десятки поездов, местных и дальних, толпы людей, тысячи взглядов... Взглядов уверенных и растерянных, ищущих и скучающих, веселых и сердитых, усталых и цепких. Суета. Толкотня. Рев очередного червя, вырывающегося из тоннеля, объявления, снова толкотня... И парень, что вышел на платформу «Курской», вполне мог затеряться в этом круговороте людей, вещей и шума. Должен был затеряться.

Он не привлекал особого внимания: высокий, футов шесть с половиной, не меньше, худощавый, но отнюдь не нескладный – стройный, подтянутый. Рыжие волосы собраны в аккуратный хвост. При этом волосы парня были чистыми, что выгодно отличало его от большинства любителей длинных кос, знакомых с шампунем только по рекламе. Одежда простая: спортивные ботинки, джинсы, мягкая тенниска и легкая походная куртка. На плече рюкзак. Турист? В руке не очень длинный брезентовый сверток. Рыбак? Охотник?

Другими словами, не было в парне ничего необычного, ничего такого, что могло вызвать подозрение или настороженность. Разве что небольшой шрам на левой скуле... Но сколько честных людей может похвастаться подобным украшением. Память о том, как сорвался в детстве с забора. Или упал с велосипеда. Или подрался, в конце концов. Мало ли на свете способов украсить скулу рубцом? Юноша выглядел заурядно. Однако двое полицейских, подпирающих стену на платформе, имели свое мнение на этот счет. Цепкие взгляды блюстителей порядка мгновенно вычленили парня из толпы, и патрульные, не сговариваясь и даже не переглянувшись, подошли к юноше.

– Можно вас на секунду?

– Что-то не так? – Парень не вздрогнул, не испугался. Просто спросил.

– Проверка документов. Сержант Федосеев, управление полиции на транспорте.

Второй патрульный не представился. Замер сбоку от остановленного юноши, в полутора шагах, и положил руку на рукоять пистолета. Рядовая формальность.

– Витольд Ундер? – произнес Федосеев, листая паспорт парня.

– Совершенно верно.

– На дачу?

– На электричку, – уточнил Витольд.

– Что у вас в свертке? – спросил сержант, возвращая парню документ.

Ундер широко улыбнулся:

– Оружие.

– Какое?

Тон Федосеева не изменился, остался спокойным, но его правая рука мягко легла на рукоять пистолета. Теперь полицейские стояли примерно в одинаковых позах. Патрульные служили не первый год и прекрасно знали, что иногда дружелюбный ответ становится прелюдией к перестрелке.

Но не в этот раз.

– Что за оружие?

– Сейчас покажу.

Витольд тоже оказался опытным, во всяком случае, в общении с полицией. Не делая резких движений, он поставил сверток одним концом на пол и поинтересовался:

- Можно достать другие документы?
- Медленно, – разрешил Федосеев.
- Я знаю правила.

Ундер двумя пальцами оттянул полу куртки, показав патрульным, что под ней не прячется кобура, а затем вытащил из внутреннего кармана маленькую книжечку в кожаной обложке.

– Это удостоверение члена военно-исторического клуба «Московские Рыцари». В него вложена лицензия полицейского управления. Я имею право хранить и перевозить холодное оружие. Если хотите, могу показать паспорта на те клинки, что у меня с собой.

- Нет необходимости.

Федосеев пролистал книжечку, протянул ее Ундеру и совсем другим, по-настоящему дружелюбным, тоном спросил:

- Так что в свертке-то?
- Руку с пистолета он убрал. Его напарник – тоже.
- Сабли, – ответил Витольд.
- Настоящие?
- Конечно.
- Посмотреть можно?

Ундер пожал плечами, присел на корточки, развязал стягивающие сверток ремешки и развернул брезент.

- Вот.
- Они в ножнах, – разочарованно протянул полицейский и, проведя пальцем по украшенной причудливой гравировкой гарде, поинтересовался: – Старинные, что ли?
- Старинные, – подтвердил Витольд.
- Дорогие?
- Не дешевые.
- И ты ими... э-э... – Полицейский никак не мог подобрать нужного слова.
- Фехтую, – подсказал Ундер. – Они дорогие, но я ими фехтую.
- Сломать не боишься?
- Они созданы для боя, – тихо ответил Витольд, завязывая сверток. – Без него клинки умирают.

Федосеев не нашелся, что сказать. Зато его напарник, который не проявил особого интереса к старым саблям, кивнул на шрам:

- В клубе заработал?
- Да.
- И продолжаешь фехтовать?
- Мне нравится.
- Когда лицо режут?

Ундер поднялся на ноги, поправил рюкзак и посмотрел на полицейского... не угрожающе, не агрессивно, но так, что тому снова захотелось положить руку на пистолет.

– Я мастер спорта по фехтованию и кандидат в сборную России, – негромко сообщил Витольд.

– ОК, парень, – примирительно произнес Федосеев. – Мы не хотели тебя обидеть. Можешь идти.

Для большинства из нас московское метро – просто транспорт, довольно быстрый и достаточно удобный. Кто-то пользуется им постоянно, кто-то от случая к случаю, а некоторые

при упоминании о подземке презрительно кривят губы. Но вряд ли в огромном мегаполисе можно отыскать хотя бы одного человека, который бы никогда не спускался по эскалатору и не мчался в трясущемся вагоне по мрачным тоннелям большого города, не пересекал московские пещеры из конца в конец. Большинство из нас не задумывается, что метро – часть нашей жизни. И уж совсем немногие понимают, что для некоторых подземка и есть жизнь, а точнее – центр их личной вселенной.

Их солнце – электрические лампы и фонари поездов, их небо – бетонные своды, а горизонт – выложенные плиткой стены. Их тишина – шум, а покой – несколько часов без пассажиров, когда по станциям проносятся ремонтные и грузовые составы. Жителей подземелья мало по сравнению с общим количеством горожан – и очень много, если их просто пересчитать. Они почти незаметны. Машинисты и дежурные по станциям, полицейские и рабочие, торговцы и музыканты, попрошайки и карманники. Повелители и слуги подземелья. Жители города под городом. Люди... и не только они.

Шуму-Шуму Витольд заметил, едва поднялся по эскалатору в вестибюль станции. Старуха обедала, или завтракала, или просто ела, потому что она не разделяла приемы пищи и не выбирала меню исходя из времени суток: искала еду, только когда испытывала голод. Шума-Шума стояла у стены и жевала булку с вареной сосиской. Дешевый соус, жидкий, бурого цвета, стекал по пальцам и капал на пол, но старуху это обстоятельство не смущало. Вряд ли она вообще замечала, что испачкалась. И прохожие старались не замечать, отворачивались, ускоряли шаг, торопливо проходили мимо. Кому интересна жующая нищенка? А Шума-Шума ничем не отличалась от бродяг, периодически появляющихся в московских подземельях. Она носила длинную юбку, когда-то цветастую, похожую на те, что так любят цыганки, а теперь просто грязную, стоптанные кроссовки, серую водолазку, надорванную на шее, кофту грубой вязки и красную бейсболку, козырек которой хранил отпечатки грязных пальцев. Рядом со старухой безучастно стоял мальчик лет девяти, белобрысый, круглоголовый, с сонными туповатыми глазами. На нем были длинные, до колен, шорты, сандалии на босу ногу и грязная футболка с полустершейся от стирок физиономией зубастого мультипликационного героя: то ли адский сатана, то ли робот-трансформер.

Со стороны могло показаться, что жадная старуха оставила ребенка без еды, однако на самом деле мальчику пища не особенно требовалась. Он был ненастоящим.

Голем по имени Шнырек.

– Привет. – Витольд улыбнулся.

Шума-Шума прищурилась. Узнала. Откусила от бутерброда еще один кусок, прожевала и сообщила:

– Хороший день выдался.

Она никогда не здоровалась.

Шнырек скользнул по молодому чуду безразличным взглядом и отвернулся.

Никто в Тайном Городе не помнил настоящего имени старухи. И хотя в архивах Зеленого Дома наверняка сохранились точные записи, все предпочитали называть бродяжку так, как она хотела: Шумой-Шумой. Нейтрально. Потому что настоящее имя вызывало в памяти простую и страшную историю о том, как двадцать лет назад, во время войны Великих Домов, чересчур горячий маг нанес слишком сильный удар по врагам. Настолько сильный, что помимо противников досталось и жителям дома, во дворе которого развернулась схватка. Четырнадцать трупов. Двенадцать челов, муж Шумы-Шумы и ее ребенок. Витольд знал об этой истории с детства. И, как и большинство чудов, считал, что смертная казнь, к которой приговорил горячего мага великий магистр, была слишком суровым наказанием за небольшую оплошность. Считал так до тех пор, пока не познакомился с Шумой-Шумой – фатой Зеленого Дома, не сумевшей оправиться от того удара.

От удара, который ее не задел.

От удара, который сломал ее жизнь.

– Заработала сегодня?

На лице старухи появилась хитроватая улыбка.

– Много. Да.

Застывший на губах соус напоминал размазанную помаду. Витольд кивнул:

– Значит, действительно хороший денек.

Ее пытались лечить, но безуспешно – разум женщины отказывался возвращаться в реальный мир. Ее пытались запереть, но она билась в истерике и пробовала покончить с собой. И тогда, убедившись в том, что старуха безвредна, ее отпустили. Приглядывали, конечно, но в жизнь потерявшей себя фаты не вмешивались. Шума-Шума бродила по городу, промышляла мелким воровством, и единственным, к кому она по-настоящему привязалась, был маленький туповатый голем.

– А я на турнир решил съездить, – сказал Витольд. – Размяться.

Старуха затолкала в рот последний кусок бутерброда, прожевала, вытерла губы и руки скомканной салфеткой и, только сейчас обратив внимание на сверток, произнесла:

– Сабли!

– Угу, – подтвердил Ундер.

В ее глазах мелькнула тревога.

– Война?

– Нет, – успокоил Шуму-Шуму чуд. – Турнир. Тренировка.

– А.

Одиночества притягиваются.

Витольд познакомился с Шумой-Шумой чуть меньше года назад. В тот день старуха оказалась на нуле, почти без магической энергии, и вряд ли смогла бы отбиться от группы бомжей, тащивших ее на пустырь за Савеловским вокзалом. С какой целью? Да какая разница с какой? Витольд избил бродяг, отвел Шуму-Шуму домой, а после несколько раз навещал, приносил продукты и немного денег. Впрочем, люди тоже не забывали о старухе, в ее холодильнике всегда была еда.

Вот только настоящим именем старуху старались не называть.

– Никто не приставал?

Шума-Шума отрицательно покачала головой.

– Ладно, еще увидимся, – буркнул Витольд и, поправив рюкзак, быстрым шагом пошел к выходу на вокзал.

* * *

Центральная городская больница, Красноярск,

4 августа, пятница, 20:09 (время местное)

– Док, когда Римма сможет отвечать на вопросы?

Кусков, высокий, мощного сложения полицейский, постарался произнести эту фразу максимально мягко. Приглушил голос, чтобы бас не грохотал, заполняя все помещение, а рокотал, подобно хорошо отлаженному двигателю, попытался, сообразно обстоятельствам, говорить с легкой грустью. Цели своей Кусков добился: у присутствующих не появилось ощущения,

что их допрашивают, но среагировали они все равно не так, как рассчитывал полицейский. Худой черноволосый мужчина, стоящий справа от Кускова, вздрогнул и нервным жестом погладил бородку, некогда популярную среди младших сотрудников научных центров. А кругленький плешивый врач, к которому, собственно, и был обращен вопрос, поморщился, снял очки и привычным жестом принялся протирать стекла подолом белого халата.

– Когда? – повторил Кусков.

– Не имею ни малейшего представления, – неохотно ответил доктор.

– Почему?

– Потому что, голубчик, прежде чем ответить, когда наступит выздоровление, необходимо хотя бы в общих чертах представлять, от чего мы пользуем пациента. Мы не знаем, что стало причиной нынешнего состояния Риммы, значит, потребуется время на наблюдение и анализ. Проведем комплекс первичных мероприятий...

– Сколько? – Кусков понял, что вопрос прозвучал двусмысленно, кашлянул и продолжил: – Извините. Я хотел спросить: сколько времени потребуется?

– Неделя или месяц. – Врач вздохнул и вернул очки на нос. – А может, Римма придет в себя уже завтра.

– Это возможно? – быстро спросил полицейский.

– Вполне.

У черноволосого вспыхнули глаза.

– Я полагаю, что причиной нынешнего состояния Риммы стал сильный стресс. Нет – сильнейший стресс. Есть вероятность, что девушка справится сама... с нашей помощью, разумеется, но когда... – Врач развел руками.

Кусков кивнул, почесал в затылке и открыл было рот для следующего вопроса, но его опередил чернявый:

– Доктор, скажите, при осмотре не было обнаружено следов внешнего воздействия?

– Вы имеете в виду ссадины? Ушибы? Следы насилия?

– Нет, – торопливо, вздохнул, словно боясь, что полицейский его остановит, продолжил мужчина. – Следы от медицинских приборов? Вам не показалось, что над Риммой проводили опыты? Возможно, ей делали инъекции? Вы не видели следов от уколов?

– О чем вы, голубчик? – Врач перевел недоуменный взгляд на полицейского: – Кто этот человек?

– Я Леопольд Савраскин, уфолог! – затрещал чернявый. – Мы считаем, что Римма была похищена инопланетянами! Разве непонятно?

– Савраскин! – попытался утихомирить его полицейский.

– Виллой – это аномальная зона! Есть десятки свидетельств...

– Молчать! – рявкнул Кусков.

Бородатый замер с открытым ртом. Врач хоть и вздрогнул, но посмотрел на полицейского с пониманием.

– Это руководитель похода, – пробурчал Кусков.

– Экспедиции, – негромко, но уверенно поправил его чернявый.

Уфолог не так уж испугался окрика. Видимо, привык.

– Они на Виллоу тарелки искали...

– Следы инопланетного разума!

– Вот и доискались. Девчонка в больнице, и непонятно, что с нею будет дальше.

– Да как вы не понимаете! Я убежден, что был контакт! Римму наверняка похищали!

Здоровенный Кусков взял Савраскина за шиворот, развернул к двери, но притормозил и вопросительно поднял брови:

– Док?

– Все, что смогу, – вздохнул врач. – Но ничего не обещаю.

– Это я уже понял. – Полицейский подумал, затем вытолкнул Савраскина вон, захлопнул за ним дверь и тихо спросил: – А насчет внешних воздействий? Действительно ничего не обнаружили?

Кусков не верил в рассказы уфолога, но спросить был обязан. Чтобы окончательно утвердиться в своих сомнениях.

– Ничего, кроме обычных ссадин и ушибов, которые могут появиться в походе у любого человека. Гарантирую, что она не дралась и не подвергалась насилию. – Доктор вновь потянулся к очкам, вспомнил, что только что протирал их, и остановил руку на полпути. – Я все-таки склоняюсь к тому, что Римма чего-то сильно испугалась.

– Зверя? Медведя?

– Возможно.

Теперь, когда схватка осталась далеко позади, Ярга сожалел, что колдунья умерла слишком быстро. Не следовало торопиться с первым, самым сильным ударом. Выдержать паузу, обездвижить ведьму и допросить! Тысячи лет в заточении не прошли даром – Ярга понятия не имел, что происходит на Земле. Где живут разумные? Кто живет? А самое главное – какой Великий Дом у власти? Ярга уже понял, что за время его вынужденного отсутствия появились новые семьи, владеющие Источниками, почуял, что ведьма работает с чуждой ему энергией. Лесная колдунья тянула силу из природы, а во времена Ярги такой техники не существовало. Судя по всему, изменилось многое.

Из хаоса мыслей умирающей ведьмы удалось вычленить слово «Москва», она хотела получить помощь от этой самой «Москвы», но что это: имя, название места или Великого Дома, Ярга не знал. Узнать следовало как можно быстрее.

Одним словом, поторопился. Но ведь у него оставалось крайне мало энергии! А ведьма была сильна. Кто знает, чем бы закончилась схватка? Потому Ярга не рисковал – убил врага одним ударом. Поступил правильно.

А сейчас сожалел.

Получить информацию от носителя, в теле которого он оказался, не представлялось возможным: занимая оболочку, дух полностью подавил прежнюю личность, стер всю память. От прежнего владельца не осталось ничего.

А время уходит.

И энергии все меньше.

Тело ее держит значительно лучше, чем дух, но оно не идеально... Да чего говорить: плохое тело попало. Слабое. Почти без способностей. К тому же тело самки. Одна радость – молодое и крепкое.

Покончив с ведьмой, Ярга побрел на юг. Он понятия не имел, где находится ближайшее поселение, знал только, что выбрался на поверхность далеко на севере, а потому двинулся наугад. Два дня пробирался по тайге без сна и отдыха, изредка хватая с кустов ягоды да утоляя жажду водой из ручьев. Новое тело не щадило, понимал, что избавится от него при первом же удобном случае. Затем, как снег на голову, на него свалились сородичи носителя. Такие же несовершенные, без способностей и магической энергии уродцы. Только более взрослые. Их языка Ярга не знал, а потому прикинулся, что потерял память. Впрочем, это было недалеко от истины. При появлении уродцев Ярга сделал вид, что испугался, бросился наутек, правда, не очень старательно, а когда его поймали, мычал и вырывался.

Еще Ярга понял, что поскольку его искали, то ничего плохого не сделают. Наоборот: помогут оказаться в поселении. И не ошибся. Его положили на носилки, вкололи в вену какой-то препарат, от которого захотелось спать, а потом погрузили в тарахтящую железную колесницу и по воздуху отвезли в маленький городишко.

Способ путешествия не произвел на Яргу особого впечатления: драконы летали куда как более плавно.

- Рудин ее смотрел? – поинтересовался заступающий на ночное дежурство врач.
- Ага.
- И что сказал?
- Последствия стресса.
- Когда не знаешь, что случилось, остается только предполагать.
- И не говори.

Ни сменяющийся доктор, ни пришедший ему на смену коллега не упомянули имени пациентки: Римма Симонович. Они и так понимали, о ком говорят.

О потерявшейся в тайге и найденной спустя два дня девчонке. О той, о ком сейчас говорил весь край. Как Римма потерялась? Почему ушла из лагеря? Что с ней случилось? Ответов не знал никто. Просочились слухи, что поход, в котором принимала участие Римма, на самом деле был экспедицией уфологов, исследующих одну из сибирских аномальных зон на предмет контакта с инопланетянами. Журналисты немедленно вцепились в тему и потребовали подробностей: где именно села тарелка, что именно делали с девушкой, добровольно ли она пошла к инопланетянам или уфологи накачали несчастную наркотиками и отдали на заклятие? Журналистам требовалась сенсация, материал, который сделает их знаменитыми, увеличит тираж их газет. Журналисты бесцеремонно ломались в больницу, и полиция была вынуждена поставить на этаже специального дежурного: он сидел у дверей, ведущих в крыло, и проверял пропуска у всех проходящих. Отчаявшись добраться до несчастной, репортеры накинулись на местных уфологов: просили прокомментировать, уточнить, высказать мнение. Уфологи надувались от важности и рисовали на карте маршруты летающих тарелок. Общество удивлялось и ахало.

- Как дела у нее сейчас?
- Спит.
- Посмотрим?
- Давай.

Врачи прошли к палате, осторожно приоткрыли дверь и заглянули внутрь. Худенькая черноволосая девушка, почти девочка, лежала на кровати, вытянув руки вдоль тела. Дыхание ровное, спокойное. Глаза закрыты.

- Кричит во сне?
- Нет.
- Ей давали успокоительное?
- Только когда нашли. Говорят, сильно кричала и вырывалась.

– Странно... – Заступающий на дежурство врач задумчиво потер кончик носа. – Для человека, пережившего сильнейший стресс, она спит слишком спокойно. Ты не находишь?

- Коллега пожал плечами:
- Всяко может быть.

Для верности Ярга выждал несколько часов. И лишь глубокой ночью, когда затихли последние звуки и это крыло больницы наконец-то утихомирилось, он открыл глаза и бесшумно поднялся с кровати. Бесшумно, насколько это было возможно. Тело ему досталось несовершенно, поэтому идеального движения не получилось. Впрочем, если бы какой-нибудь человек увидел, как поднялась с кровати восемнадцатилетняя девушка, то, даже не разбираясь в спорте и боевых искусствах, понял бы, что перед ним настоящий воин. Движения «Риммы Симонович» были плавны и отточены, аккуратны и расчетливы.

Охотник вышел на тропу.

На этот раз ему требовалось не новое тело – тратить энергию на переход он не собирался, – а информация. Найти подходящую жертву, обездвигить ее в рукопашной и уже потом строить вытягивающий память аркан.

Ярга выглянул в коридор, увидел дремлющего за столом врача и улыбнулся.

* * *

Зеленый Дом, штаб-квартира Великого Дома Людь,

Москва, Лосиный Остров,

5 августа, суббота, 12:21

Так повелось, что в современном обществе принято считать человека венцом природы, высшим видом, апофеозом эволюции. Делается сей вывод на том простом основании, что человек теоретически разумен.

Как и у любой гипотезы, у этой есть группа сторонников, причем весьма внушительная. Искренне, хотя и немного наивно, они полагают, что глобальный замысел, а то и сам промысел божий заключался в том, чтобы населить совершенный мир под названием Земля существами, которые в перерыве между войнами занимаются уничтожением полезных ископаемых и экологической системы планеты, стараясь как можно быстрее привести ее в полную негодность. Человек объявлен священной коровой, абсолют, априори стоящим выше всех, а значит, единственным, кто имеет право хозяйничать в мире по своему усмотрению. Путь из пещер к ядерным электростанциям объявлен единственно правильным и перспективным, ибо нет никого другого, с кем можно было бы сравнить достижения гомо сапиенса.

Или есть?

Да и были ли пещеры?

Как вообще получилось, что какие-то обезьяны поумнели, а какие-то – нет?

Антропологам кажется, что они способны ответить на последний вопрос, а вот некоторые историки, в целом не отвергая выводы коллег по научному поприщу, приходят к мысли, что история нашего мира значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И далеко не все постройки, остатки которых изучают археологи, были созданы людьми и для людей. И далеко не все старинные рукописи и предания посвящены деяниям наших предков.

И уж совсем немногие знают, какие именно эпохи переживала Земля до того, как появились люди. Кто помнит об асурах, чье цветущее государство пало в огне Первой войны? Кто знает о навах, империя которых, Темный Двор, вызывала ужас и уважение во всех Внешних мирах? Кто может перечислить королей Зеленого Дома или всех великих магистров Ордена, чьи указы были в свое время обязательны к исполнению в каждом уголке земного шара?

В свое время...

Войны и катаклизмы сметали тех, кто никогда не считал себя человеком. Могучие Великие Дома, чьи Источники магической энергии позволяли превращать в быль практически любую сказку, уходили, сжимались до размеров небольшого клана, скрывались в Тайном Городе. В закрытом от посторонних глаз месте, являющемся и крепостью, и тюрьмой. Где побежденные продолжали жить тем укладом, который был заведен в их семьях тысячи лет назад. Где история замедлила свой ход. Навамам, чудам, людям и множеству младших семей

оставалось только прятаться. Прятаться и ждать, когда перестанет существовать само понятие «господствующая раса».

– Ямания, почему вот эта строчка в доходах отмечена курсивом? И общая сумма тоже?

Личный секретарь королевы даже не сделала попытки заглянуть в поданные Ее Величеству бумаги – она ждала этого вопроса.

– Казначейство напоминает, что ситуация с Урбеком Кумаром до сих пор не урегулирована, а потому представить точный финансовый отчет за июль невозможно.

– Разве мы не получили ответ из Торговой Гильдии? – Всеслава удивленно изогнула тонкую бровь.

Королева Зеленого Дома считалась самой красивой женщиной Тайного Города. По праву? Большинство сходилось во мнении, что да. А если и были несогласные, то только не внутри Великого Дома Людъ. Тонкое лицо, умные зеленые глаза, длинные светлые волосы, уложенные в элегантную прическу, открытое летнее платье нежного фисташкового оттенка... Ее Величество считалась не только красивой, но и стильной женщиной.

– Шасы клятвенно пообещали удовлетворить наши требования, – сообщила Ямания.

– В таком случае к чему курсив?

– Но ведь средства еще не переведены. И кто знает, когда мы выйдем из Торговой Гильдии деньги.

– Логично, – пробормотал барон Мечеслав.

Повелитель домена Сокольники, самого богатого владения Ее Величества, изысканностью в одежде не отличался: тонкая льняная сорочка чуть более измята, чем допустимо в приличном обществе. К тому же расстегнута на одну пуговицу больше, чем следовало бы. Да еще надета навыпуск и не очень гармонирует с сероватыми летними брюками. Но барон являлся официальным фаворитом королевы, и ему позволялось многое.

– Выбить из шасов деньги весьма сложно, – продолжил он, глотнув вина. – Я бы рекомендовал казначейству закрыть июль без учета ожидаемых сумм, проведя потери по графе «убытки».

– Но ведь они вернут деньги, – подала голос жрица Снежана.

Широкоплечий Мечеслав с улыбкой посмотрел на молодую колдунью и поскреб небрежно выбритую шею, на которой красовался старый шрам.

– Вопрос – когда?

– Быстро вернут! – Снежана не была наивной, просто она твердо верила в могущество Великого Дома Людъ. – К тому же мы правы!

– Последний факт только осложняет дело, – вздохнула опытная Ямания. – Когда носатые понимают, что неправы, они начинают упорствовать сильнее обыкновенного.

Небольшая семья Шась, входящая в Великий Дом Навь, практически монополизировала торговую и финансовую систему Тайного Города, а в силу некоторых генетических особенностей общаться с ее представителями было затруднительно даже навам.

– В конце концов, мы говорим о мелкой семье... – начала Снежана.

– Шасы – это не семья, – отозвался Мечеслав. – Шасы – это солидный бизнес.

– Я уверена, что вопрос будет решен достаточно быстро, – произнесла королева, возвращая бумаги секретарю.

– Да, Ваше Величество, – кивнула Ямания.

– Но рекомендую прислушаться к предложению барона: задерживать июльские отчеты из-за мелкого инцидента не следует.

– Я сообщу о вашем решении в казначейство.

Утренние совещания королева Зеленого Дома проводила каждый день, кроме воскресенья. В будни они начинались рано, в восемь, и рассматривались на них наиболее важные

вопросы жизни Великого Дома. Однако на субботу, если позволяли обстоятельства, Ямания оставляла самые простые, а то и вовсе забавные дела, да и то в небольших количествах. В эти дни мероприятие проводилось не в кабинете, а в столовой, совмещалось со вторым завтраком, и на нем присутствовали лишь наиболее близкие королеве подданные: сама секретарь, барон Мечеслав, жрица Снежана и Милана – воевода дружины Дочерей Журавля. Сегодняшний список тем не являлся сложным, собственно, проект июльского финансового отчета был единственным серьезным вопросом, до этого обсуждалась петиция концов, требующих приструнить барона Святополка, запретившего открытие в своем домене первого в Тайном Городе женского клуба по интересам, – Ямания сочла, что просьба лысых весельчаков поднимет королеву и ее друзьям настроение, и не ошиблась. Третьим пунктом секретарь наметила вопрос о выделении дополнительных средств на проведение летнего карнавала молодых фей – неплохие финансовые результаты июля могли заставить Всеславу расщедриться, – но ее опередили.

– Что у нас еще на сегодня? – осведомилась королева, наблюдая, как лакей ставит перед нею мороженое с дыней.

– Донесение от Белых Дам, – негромко проговорила Милана. – Поступило ко мне сегодня утром.

– Почему не в канцелярию?

– У фаты Ямании есть копия.

Секретарь про себя вздохнула. И даже немножко выругалась. Она не придала донесению особого значения и планировала отложить его рассмотрение до понедельника. Надо же было вклиниться этой...

– Что случилось у Белых Дам? – Всеслава поиграла серебряной ложечкой. – Жалуются на лесорубов?

Снежана улыбнулась.

Белые Дамы были особой категорией колдуний Великого Дома Людь. Стареющие, или разочаровавшиеся, или просто не находящие себе места в Тайном Городе ведьмы уходили в дремучие леса Сибири, на территории, где встреча с человеком сама по себе была чудом. Уходили ближе к природе, к которой Зеленый Дом всегда тяготел. Через некоторое время с ними происходили изменения, позволяющие колдуньям отказываться от энергии Колодца Дождей и черпать магическую силу прямо из земли, из воды, из деревьев и облаков – отовсюду. Белые Дамы сливались с миром и никогда больше не возвращались в каменные пещеры городов. Сила их, разумеется, была невелика, но сколько ее нужно для покоя?

Тем не менее Зеленый Дом считал отшельниц своими подданными и в случае необходимости всегда протягивал им руку помощи.

– В сообщении говорится, что пропала Светозара, – ответила Ямания.

– Не пропала, а погибла, – уточнила Милана.

Секретарь Ее Величества едва заметно поморщилась.

Барон, почувствовавший, насколько разны Ямания и Милана пытаются трактовать событие, с интересом оглядел обеих женщин. А королева прищурилась, пытаясь вспомнить одну из своих колдуний...

– Фата Светозара приняла решение уйти в Белые Дамы в начале двадцатого века, – пришла на помощь секретарь. – Сейчас ей сто шестьдесят четыре года.

– Было сто шестьдесят четыре, – буркнула воевода.

– Почтенный возраст, – покачала головой Всеслава. – Не могло получиться так, что уважаемая Светозара просто скончалась?

– Как Белые Дамы вообще узнали, что она умерла? – задал вопрос барон.

И тут же пожалел о том, что раскрыл рот. Магической силой в Зеленом Доме обладали исключительно женщины, и Милана не удержалась от очередной демонстрации превосходства.

– Это очень легко, – с оттенком высокомерия в голосе произнесла воевода. – После смерти Белой Дамы из ее лесов и рек, из ее земли уходит душа. Вам, конечно, это трудно понять, барон, ведь...

– Так и произошло, – поспешила вклиниться Ямания, не позволив гордой воительнице наговорить фавориту королевы лишнего. – Территория Светозары лишилась ее покровительства, деревья заплакали, воздух помертвел, вода потеряла вкус жизни. А любимая лиственница Светозары засохла за несколько часов. Это означает только одно: Белая Дама не просто погибла, ее убили.

Снежана вздохнула. Молодая жрица уже настроилась на веселый лад и теперь без особого восторга вникала в сложную тему. Ей не хотелось грустить.

– Убить Белую Даму непросто, – пробормотала Милана. – Они, конечно, не боевые маги, но все-таки колдуньи.

Воевода не очень хорошо относилась к ведьмам, выбравшим путь отшельниц, считала, что в обычной жизни, а уж тем более – в рядах Дочерей Журавля они бы принесли семье значительно больше пользы. Но был в словах Миланы и еще один смысл: она намекнула, что колдунья не могла стать жертвой браконьеров или человеческих бандитов.

Ямания качнула головой: она предполагала, что беседа пойдет этим путем.

– Считаешь, имела место активность Великих Домов? – негромко осведомилась королева. В отличие от молодой Снежаны, Ее Величество едва ли не мгновенно оставила игривое настроение.

Мечеслав подобрался. От скуки, которая нет-нет да и мелькала в его мутно-зеленых глазах, не осталось и следа.

Милана в свою очередь выдержала небольшую паузу и уверенно ответила:

– Можно предположить, что Орден или Темный Двор проводят в Сибири запрещенные эксперименты, а Светозара увидела...

– Мне кажется, разговор теряет конструктивное зерно, – вздохнул Мечеслав.

Воевода гневно сверкнула глазами:

– Вам кажется, что мое предположение...

– Именно что предположение, – обезоруживающе улыбнулся барон. – У нас нет ни малейшего повода ожидать от Великих Домов подобного поведения. Наблюдатели...

– У нас есть тысячи поводов ожидать от Великих Домов подобного поведения! Вся история наших взаимоотношений свидетельствует об этом!

Ведущие семьи Тайного Города, мягко говоря, не дружили. Трудно назвать полноценной дружбой временные союзы, заключавшиеся в тактических целях.

– Пожалуй, барон, воевода права, – кашлянув, заметила Снежана.

Королева промолчала, но посмотрела на фаворита весьма выразительно.

– Я хочу лишь сказать, что в жизни есть место случаю, – отрезал закусивший удила Мечеслав. – Светозара могла заснуть и подвергнуться нападению бандитов. Ее могли убить, когда она осталась без энергии...

– Белые Дамы питаются от самой природы, – мягко напомнила Ямания. – Им не нужна магическая энергия в классическом ее понимании, в отшельницах всегда присутствует сила.

– Я не понимаю, барон, к чему вы клоните? – язвительно осведомилась Милана.

– Я ни к чему не клоню, – холодно глядя на воеводу, ответил Мечеслав. – Я выражаю сомнения в вашей версии.

– Предложите свою.

– Для этого необходимо провести хотя бы начальное расследование.

– Кто же вам мешает?

Идея отправить фаворита королевы в глухую Сибирь показалась главному боевому магу Великого Дома Людъ интересной. Неспособный к магии, он наверняка не добьется никакого

результата, и ему придется обратиться за помощью. А Милана тем временем будет рассказывать придворным анекдот о похождениях нахального мужика в дремучих сибирских лесах...

В свою очередь барон прекрасно понял, что зашел слишком далеко. Воевода поймала его на крючок и с любопытством ожидала ответа. Королева нахмурилась, ее взгляд не обещал фавориту ничего хорошего. Ямания и Снежана молчали, но чувствовалось, что они, скорее, на стороне Миланы.

Именно поэтому барон решил не останавливаться:

– Полагаю, Ее Величество согласна с тем, что смерть Белой Дамы Светозары требует детального расследования. И, если никто из присутствующих не против, я готов взять его на себя.

– Разумеется, вам потребуется масса помощников, – усмехнулась Милана. Воевода не отказала себе в удовольствии потоптаться на сопернике.

– Мечеслав не маг, – тихо напомнила Всеслава. – Ему будет сложно разобраться в смерти Белой Дамы без помощи опытной колдуньи.

– Именно это я и имела в виду. – Милана чуть склонила голову.

«Хотите выручить любимчика, Ваше Величество?»

– Уважаемая Милана ошибается, мне не нужны помощники. – Барон улыбнулся и в упор посмотрел на воеводу. – Высморгаться я сумею сам, а для проведения расследования требуется в первую очередь ум, а уже потом магические способности.

Ямания отвернулась. Снежана с трудом подавила рвущийся наружу смех. Всеслава лишь покачала головой.

Воевода покраснела.

– И вы сможете во всем разобраться?

– Разумеется.

– Если так, я первая принесу вам извинения.

* * *

Сад Баумана, Москва, улица Старая Басманная,

6 августа, воскресенье, 07:56

– Терри, будь хорошим мальчиком, потерпи еще чуть-чуть!

Умат Хамзи остановился перед мостовой и законопослушно посмотрел по сторонам: нет ли машин. Однако обрадованный предстоящей прогулкой карликовый василиск резко дернул за поводок, заставив шаса сойти с тротуара раньше, чем тот убедился в отсутствии опасности.

– Терри! Плохой мальчик!

Василиск пропищал нечто невнятное и потащил хозяина к воротам сада.

– Соскучился, змееныш? – Умат ласково потрепал зверька по петушиной голове и отстегнул поводок: – Беги!

Терри, хлопая крыльями, ринулся по дорожке в надежде поймать пару-тройку голубей. Шас улыбнулся.

Он выгуливал любимца дважды в день, и посетители сада прекрасно знали и самого Умата, и его веселого «тойтерьера». По понятным причинам василиску не следовало появляться на людях в своем истинном обличье, а потому на его ошейнике всегда крепился арте-

факт морока. Как раз вчера Хамзи прикупил новое магическое устройство, полностью зарядил его и чувствовал себя абсолютно спокойно.

А потому истошный визг, раздавшийся оттуда, куда умчался Терри, стал для Умата полной неожиданностью.

* * *

Красноярск,

6 августа, воскресенье, 14:00 (время местное)

К некоторому удивлению королевы, барон не стал откладывать расследование в долгий ящик. Но, правда, не стал Мечеслав и торопиться. Совещание, совмещенное со вторым завтраком, плавно перетекло в обед, на который съехалось несколько баронов и жриц. Перед сим действием Всеслава занималась сменой туалета, во время – светскими разговорами, а потому высказать любимому все, что накопело на женской душе, королева смогла лишь вечером. Соответственно, эмоции несколько притупились, и Мечеславу не пришлось выслушать ничего более обидного, чем «милый, ты поступил ужасно опрометчиво». Но от помощи, которую Всеслава предложила на совершенно конфиденциальных условиях, он решительно отказался. По замыслу королевы, барона должна была сопровождать одна из преданнейших лично ей фат, которая, по счастливому стечению обстоятельств, как раз находилась за пределами Тайного Города и могла инкогнито прибыть в Сибирь.

– Никто не узнает, что Милорада отправилась с тобой. А ее опыт...

– Дорогая, я потому и затеял этот маленький спор, что не сомневаюсь в себе. Неужели ты уверена во мне меньше?

Королева вздохнула и поняла, что барона не переубедить.

А потому на следующий день каждый из них отправился по своим делам. Ее Величество – на конную прогулку с придворными, закончившуюся пикником на лесной поляне, а повелитель домена Сокольники – проводить расследование, которое могло сделать его посмешищем в глазах всего Великого Дома. Мечеслав не сомневался, что воевода – в случае его неудачи – не откажет себе в удовольствии выставить барона в крайне невыигрышном свете.

С другой стороны – он действительно не сомневался в себе, и заявление, которое Мечеслав сделал королеве, не было бравадой. А утверждение, что главную роль в любом расследовании играет ум, а не магия, полностью отражало взгляды барона.

Мечеслав не знал, с чего бы начала Милана, доведись ей отправиться в сибирскую глушь вместо него. Возможно, бравая воевода приказала бы своей дружине прочесать территорию погибшей Светозары в поисках «чего-нибудь странного». Возможно, Милана собрала бы сибирских Белых Дам в их излюбленном месте на северном побережье Байкала, чтобы выяснить, не владеет ли кто-нибудь из них информацией, способной пролить свет на происшедшее. А возможно, воевода поступила бы так, как барон, который не мог воспользоваться ни первым, ни вторым вариантом, а потому опирался на логику и чутье.

Перво-наперво Мечеслав самым внимательным образом изучил территорию Светозары, особенно интересуясь соседками исчезнувшей колдуньи. Барон понимал, что границы между своими владениями Белые Дамы прокладывали весьма условно, и уж ни в коей мере не считал, что причиной гибели Светозары стал территориальный конфликт. Интересовало Мечеслава

другое. Он исходил из предположения, что, даже будучи застигнутой врасплох, колдунья способна подать сигнал о помощи, попытаться оказать сопротивление, и соседки наверняка почувствовали бы изменение магического фона. И должно существовать внятное объяснение тому, что этого не произошло... Как и ожидал Мечеслав, зона исчезнувшей колдуньи соприкасалась с территориями остальных Белых Дам неравномерно. В южной части Светозара соседствовала аж с пятью товарками сразу, а вот внушительные северные владения фаты оказались безлюдным районом, затерянным в бескрайних просторах. Если опытная колдунья и могла кануть в безвестность, то только там, вдали от других отшельниц.

Но и придя к этому выводу, барон не поспешил в тайгу. Несмотря на то что зона поиска места гибели Белой Дамы существенно сузилась, она еще оставалась колоссально большой, и у Мечеслава не было никакого желания бродить по ней ни одному, ни в компании. Разумеется, барон понимал, что рано или поздно ему придется обратиться за помощью к магам – без этого не обойтись, однако использовать их следовало не как главную надежду, но как инструмент, который пускают в дело в нужное время, – вот что он хотел донести до напыщенной Миланы. А чтобы определить место и время использования этого самого инструмента, требовалась дополнительная информация, получить которую Мечеслав надеялся в ближайшем к владениям Светозары человеческом поселении. Логичнее всего было бы отправиться в Туру, однако, поразмыслив некоторое время, барон отказался от этой идеи: трудно объяснить свое появление в небольшом поселке, где все друг друга знают. В столицу Эвенкии придется ехать, если ничего не даст визит в более крупный город, к тому же стационарные порталы в Туру отсутствовали, все равно придется лететь из Красноярска, а посему он решил начать расследование именно в нем.

– О чем думаешь, Волеполк? – поинтересовался Мечеслав, выходя из портала.

Выражение лица его спутника не было недовольным – старому служаке не привыкать к внезапным поездкам по миру, однако барон заметил, что дружинник приготовил какую-то шутку, и позволил ему высказаться.

– Хорошо, что мы отправились в поездку летом, господин барон, – немедленно отозвался Волеполк. – Не хотел бы я оказаться здесь, когда погода испортится.

– Когда наступит зима? – уточнил улыбнувшийся Мечеслав.

– Именно это я и хотел сказать.

Стационарный портал в Красноярск выходил в одно из укромных местечек местного аэропорта. Операторы фирмы «Транс Портал» советовали совмещать переходы с прибытием очередного рейса, в компьютерную базу данных вносились нужные изменения, а клиентам фирмы выдавались корешки билетов. Барон и его помощник, к примеру, «прибыли» из Новосибирска, легко смешались с пассажирами рейса и теперь направлялись к стоянке такси.

– Согласен, Волеполк, будь сейчас зима, я бы сто раз подумал, прежде чем взяться за расследование.

– Говорят, температура здесь опускается до минус пятидесяти, – тревожно заметил старый дружинник.

– Возможно.

– А осенью начинается полярная ночь. До весны.

– Тебя обманули, дружище, полярная ночь опускается на север Сибири.

– А разве Сибирь – это не север?

Старик не утруждал себя изучением географии.

Мечеслав усмехнулся:

– В любом случае до зимы надо управиться – я не захватил с собой шарф.

И никакого магического оружия. Обычного – тоже.

Разумеется, Волеполк позаботился о небольшом арсенале, но его вряд ли хватило бы для серьезного боя против опытного боевого мага. Главным достоинством седого вояки, далеко не самого сильного в дружине домена Сокольники, было умение выпутываться из отчаянных передраг. Волеполк оказался единственным, кто спасся из засады черных морян, пережил вместе с бароном яростный бой с гиперборейской ведьмой, ни единой царапины не получил во время Лунной Фантазии, а потому Мечеслав со спокойной душой отправлялся со старым служакой на любое дело – барон верил в удачу Волеполка. Да и брать с собой большую свиту не имело смысла. Если за событиями в Сибири стоят Великие Дома, они вряд ли решатся атаковать посланца королевы; если же совершивший убийство маг действовал на свой страх и риск, он наверняка уже скрылся. Ну а в том случае, если Белая Дама пала жертвой челов, людям вообще ничего не грозит.

– Допустим, наша несчастливая отшельница пала жертвой пьяных человеческих лесорубов, – вслух произнес барон, оказавшись на центральной площади Красноярска. – Как их вычислить?

– Проверить всех пьяных лесорубов, – предложил Волеполк.

Старый вояка предпочитал простые решения.

– В таком случае нам действительно придется задержаться здесь до холодов. – Лицо дружинника вытянулось. – А то и до весны.

– Вы же говорили, что этого не случится.

– Не волнуйся, Волеполк, я постараюсь найти какую-нибудь другую зацепку, и, надеюсь, нам не придется проверять всех местных лесорубов.

– Если преступление совершили челы, о нем может знать полиция, – предположил дружинник. – Пьяные лесорубы глупы.

Ему очень не хотелось надолго задерживаться в дикой Сибири.

– А если Светозару убили не челы, а маги, – прищурился барон, – то, возможно, они успели наследить и до преступления.

– Маги позволили челам заметить себя? – недоверчиво переспросил Волеполк.

– Всем глаза не отведешь, – с усмешкой заметил Мечеслав. – Выдвигалась гипотеза, что Светозара стала нежелательной свидетельницей запрещенной деятельности неких магов. Я склонен проверить эту версию в первую очередь.

– Каким образом?

Барон снова улыбнулся и, повернувшись, обратился к первому же прохожему:

– Прошу прощения, вы не подскажете, где находится центральная библиотека?

* * *

Москва, улица Люблинская,

6 августа, воскресенье, 09:05

«Время девять, самолет в полдень с копейками, утром из города пробок нет, значит, успеваю...»

Кин не любил приезжать в аэропорты слишком рано и мучиться от скуки в ожидании отправления рейса. А поэтому, даже несмотря на введенные челами новые правила безопасности, хван предпочитал отправляться к самолету впритык.

Он захлопнул дверь принадлежащей диаспоре квартиры, служившей ему пристанищем последние четыре дня, поправил висящий на поясном ремне артефакт морока, поднял с пола чемоданчик и направился к лестнице – лифты Кин тоже не любил.

Теперь в такси, затем в самолет, и уже вечером он в Мадриде. После чего выполнение контракта на побережье – и небольшой отпуск...

Кин все спланировал заранее. Он был очень организованным хваном. Никогда не забывал включить артефакт морока и каждый год – после того, как истекала гарантия, – обязательно покупал новое устройство.

Поэтому Кин очень удивился, когда таксист сначала устался туда, где у хванов располагается вторая пара рук, а потом, прокричав нечто невнятное, резко дал по газам и умчался.

* * *

Лагерь военно-исторического клуба «Дружина Молодая», Подмосковье,

6 августа, воскресенье, 09:37

Безусловно, юношеские состязания, проводимые Орденом и Зеленым Домом, не привлекали такого же пристального внимания публики, как, к примеру, ежегодный турнир на приз великого магистра. На тех аренах бились матерые воины, прошедшие не одну битву и показывающие чудеса фехтования, там демонстрировали свое искусство лучшие маги Великих Домов, там находило выход тысячелетнее противостояние главных семей Тайного Города, на кону стояла воинская честь, и слава побед на турнире Ордена не слишком уступала славе, добытой во время войн.

Забавы молодых проходили скромнее: что могут показать безусые юнцы, которым еще учиться и учиться? Тем не менее юношеские турниры не оставались без внимания, ибо приятно развлекать летнюю скуку, позволяя любителям зрелищ протянуть до осени, до начала главных развлечений Тайного Города. Поэтому на краю лагеря стояли три фургона с оборудованием – спортивный канал «Тиградком» вел прямую трансляцию состязаний, между палатками вертелись репортеры, а самая большая толпа (после скопления у арены, разумеется) наблюдалась не возле закусовых, а в зоне Тотализатора. Но эти элементы «настоящей» жизни все равно носили молодежный характер: репортажи вели начинающие журналисты, в Тотализаторе заправляли молодые кбнцы, торговлю вели только юные шасы – летние турниры считались хорошим полигоном для получения профессионального опыта.

Хрясь!

Топор вонзился прямо в лоб изрядно измочаленного деревянного истукана. Весьма неплохой результат для дальности в сто ярдов, а потому зрители дружно отозвались восторженными возгласами.

– Молодец!

– Отлично!

К тому же бросок вывел команду домена Сокольники вперед, что особенно порадовало поклонников соколов.

– Восемьсот девяносто очков из тысячи возможных, – объявил судья.

Болельщики взвыли. Радослав, совершивший этот небольшой подвиг, горделиво подбоченился, а потом вскинул вверх сжатую в кулак правую руку, чем вызвал еще один радостный

воплъ. На сей раз в нем преобладали женские голоса: на красивого парня положила глаз не одна фея.

– Всё, мы первые, – весело заметил Кудеяр, когда шум вокруг несколько поутих.

Соколы метали топоры предпоследними, результат показали классный, и сейчас на арену выходили середняки-перовцы, которые, даже если выбьют всю тысячу, не поднимутся выше третьего места.

– Будет еще финал группового боя, – прищурился Радослав.

– Неужели мы проиграем марьянцам?

– Нет.

– Значит, мы первые!

В этом году основная борьба развернулась между молодыми дружинниками Сокольников и Кузьминок. Топоры позволили соколам вырваться вперед, и вечером, если не наделают глупостей, они будут праздновать командную победу в турнире.

– Эгегей! Мечеслав и Сокольники!!

Стоящие вокруг соколы весело захохотали, однако Радослав не торопился разделить их радость.

– Полуфинал личного зачета закончился?

– Угу, – кивнул Кудеяр.

И судя по его погрузневшему лицу, соперником Радослава станет отнюдь не тот, на кого рассчитывали соколы.

Свой лоток Итар Кумар пристроил очень и очень удачно: на главной аллее лагеря, да к тому же – на минимально разрешенном расстоянии от экранов Тотализатора, на которых беспрестанно крутилась букмекерская информация и текущие результаты турнира. Там же располагались щиты с показателями команд. Над ними развевались флаги соответствующих доменов: элегантные соколы Сокольников, огромные измайловские орлы, развеселые пеликаны перовцев, хищные ястребы вешняков и сапсаны выхинцев, марьянские воробьи, цапли кузьминцев и серьезные грифы домена Люблино.

Следует ли говорить, что место оказалось весьма оживленным? Поглазев на состязания, гости и участники турнира спешили к информационному центру лагеря, оценивали изменившиеся котировки, прикидывали шансы, ставили еще пару монет на предстоящее соревнование и... и покупали что-нибудь, как же без этого? Некоторые шасы посчитали, что больше народу будет толкаться у арен. Правильно посчитали, конечно, но кто же в таком месте будет покупать что-нибудь, кроме бутербродов и газировки? У арен концы-букмекеры должны крутиться, там их территория, их бизнес, лоткам с серьезным товаром рядом с побоищем делать нечего. Итар рассчитал именно так и не прогадал. Торговал, на зависть соплеменникам, бойко, а все почему? Потому что не дурак и потому что не ленивый: приехал раньше всех, первым подал заявку на лоток и выбрал место по вкусу...

– Лучшие боевые артефакты Тайного Города! Надежные и эффективные! Лучшие!

– Ага, рассказывай.

– А ты проверь!

Две белокурые девушки, задержавшиеся у лотка, переглянулись, хихикнули и подошли к шасу. Феи. Как и все зеленые колдуньи, они искренне считали себя самыми умными на свете.

– А если твои артефакты не самые лучшие? – осведомилась одна из девушек.

Она выглядела чуть старше подруги, глазами постарше, а точнее – взглядом. Обеих фей переполняло очарование молодости: блестящие волосы, блестящие глаза, бархатистая кожа, призывные губы, но во взгляде этой читалась уверенность, свойственная более опытной колдунье.

– Отдам даром!

- Договорились! Доказывай!
- А что будет, если они окажутся лучшими в Тайном Городе? – прищурился Итар.
- Тогда мы у тебя что-нибудь купим.
- На десять процентов дороже, – немедленно нашелся Кумар.
- Это еще почему? – возмутилась та, что выглядела помоложе.
- Потому что не верите честному слову шаса.
- Девушки фыркнули.
- Издеваешься?
- Мы договорились? – Итар запустил на ноутбуке нужную программу. – Что вас интересует?
- Боевые кольца есть?
- Дамский вариант?
- Разумеется.
- Пожалуйста. – Шас кивнул на несколько изящных золотых колечек, мирно покоящихся на черном бархате. – Выбирайте.
- Вот это. – Та, что постарше, аккуратно взяла самое простенькое украшение. – Принцип действия обычный?
- Да, – подтвердил молодой торговец. – При резком сжатии кулака выскакивает двухдвоймовая игла. Навская сталь. Амортизаторы магические, стандартной жесткости.
- У меня есть аналог, произведенный в Зеленем Доме. Сравним?
- Мы ведь договорились.
- Девушка сняла с пальца украшенное изумрудом кольцо и протянула его шасу. Тот соединил артефакт к зажиму провода, второй конец которого шел в порт ноутбука, нажал на несколько кнопок, вернул украшение девушке, повторил процедуру со своим кольцом и величественно махнул рукой:
- Смотрите.
- На экране появилась таблица с характеристиками артефактов. В основном показатели совпадали, однако кольцо феи проигрывало по потреблению энергии.
- Хм... но это не так уж и важно, – пробормотала молоденькая.
- Вам надо учиться ценить деньги, – улыбнулся Итар. – И тогда вы поймете, что этот показатель основной. Мои артефакты лучше!
- Ладно, убедил. – Фея со взрослыми глазами достала кошелек и отсчитала нужное количество купюр.
- Приходите еще, – весело предложил Кумар. – У меня есть замечательные цепочки с разными секретами.
- Придем, когда у тебя появятся цепочки с секретами концов, – хихикнула молоденькая. Ее подруга заливисто рассмеялась, и молодые колдуньи растворились в толпе.
- В чем подвох? – поинтересовался стоящий рядом с Итаром Халим Хамзи. – Программа врет?
- Ни в коем случае, – замахал руками Кумар. – За такие шутки лицензию отобрать могут!
- Тогда в чем?
- Итар любовно пересчитал купюры, убрал их в бумажник и глубокомысленно заметил:
- Женщины, мой друг, женщины. Лет через пять эти девочки, возможно, поумнеют, но пока что они не способны думать, сплошные гормоны. Жизнь для них – череда приключений, и красавицы совершенно не присматриваются к мелочам.
- А точнее?
- Мое кольцо работает на темной энергии, – улыбнулся Итар. – Вот и весь подвох.
- И что?

Кумар с жалостью посмотрел на приятеля, понял, что тот не догадается, вздохнул и учительским тоном объяснил:

– Расход навской энергии всегда ниже. Но стоит она дороже, так что белобрысые ничего не выиграли.

– Зато проиграли тебе десять процентов от стоимости.

– Именно!

Халим мысленно сделал зарубку в памяти: мелочи, навская энергия, блондинки. Приятелю Хамзи не завидовал, понимал, что зависть мешает учиться. Но и в силах своих не сомневался – рано или поздно он тоже станет хорошим торговцем.

– А если бы они догадались?

Итар пожал плечами.

– Ну и что? Я ведь их не обманывал... – И замолчал, прислушиваясь к словам, несущимся из настроенного на информационную станцию «Тиградком» приемника:

«Как сообщили нашему корреспонденту в Службе утилизации, череда неприятных происшествий, случившихся сегодня утром в Тайном Городе, вызвана некачественными артефактами морока. В настоящее время Торговая Гильдия проводит расследование...»

– Власта, ты действительно думаешь, что это кольцо лучше твоего?

– Разумеется, – спокойно ответила подруге фея со взрослыми глазами. – Ты ведь видела результаты сравнения, а подделывать программу шас не станет.

– Какой-то замухрышка сделал артефакт лучше, чем специалисты Зеленого Дома?

– Златка, поверь, шасы гораздо придумывать новое, оптимизировать, изобретать. Поначалу, в силу природной жадности, они стремятся разбогатеть, ни с кем не делясь, пытаются проталкивать свои секреты самостоятельно. У некоторых получается, но большинство, побултыхавшись с лотками, продают свое изобретение Гильдии или Великим Домам, которые запускают его в массовое производство. Так почему бы не купить по дешевке приличную вещь? Возможно, года через два мы будем платить за такое кольцо вдвое дороже.

Златка состроила гримаску: «Фи, как это скучно!», но уже через секунду ее глаза вспыхнули:

– Власта, смотри – Радослав! Какой красавчик!

– Обычный мужик, – пожала плечами Власта, обернувшись к восхитившему спутницу парню.

– Настоящий сокол! Такой высокий, сильный... Ой, он нас заметил!

– Привет, девчонки! – Капитан команды Сокольников, направляющийся к арене в сопровождении Кудеяра и еще нескольких ребят, увидел подруг и остановился. – Какие планы на вечер?

– Я еду домой, – негромко ответила Власта, всем своим видом давая понять, что рассказывает о своих планах исключительно из вежливости.

– А я еще не знаю, – протянула Златка.

– Вечером будет праздник в честь победителей, – напомнил Радослав, не спуская глаз с Власты.

– В нашу честь, – добавил Кудеяр.

– Вы уже победили? – осведомилась Власта.

– Марьинцев разнесем и победим.

– Вот тогда и хвастайся.

Власта повернулась и решительно направилась к ближайшей кафешке. Златка, бросив многозначительный взгляд на Радослава, поспешила следом. Могучий сокол крикнул и запустил руку в светлые волосы.

– Черт...

- Задавака, – бросил Кудеяр, поняв, о чем думает друг.
- Красивая задавака, – уточнил тот.
- Но не простая...

Вся Людъ считала Власту восходящей звездой на магическом небосклоне Великого Дома. Девушка происходила из хорошей семьи, ее мать была директором одной из школ, а отец – обер-воеводой дружины Сокольников. Кроме того, девять поколений назад в их роду была королева – серьезный показатель заложенной в семье силы. Девушка отличалась редкой красотой, многие уже говорили, шепотом, разумеется, что она затмевает саму Всеславу. Но самое главное, Власта была умна и обладала потрясающими магическими способностями. Она все еще продолжала обучение, но поговаривали, что ей суждено стать самой молодой фатой в истории Зеленого Дома. А там, глядишь, и жрицей. А там... Одним словом, все сходились во мнении, что впереди у Власты большое будущее.

Разумеется, у нее не было недостатка в поклонниках, однако официального жениха Власта до сих пор не завела, что вызывало вполне понятные домыслы. Ходили слухи, что у нее роман с кем-то из воевод. Поговаривали, что к перспективной девушке проявляет интерес один из баронов. Однако подробностей личной жизни Власты не знал никто.

– Поиграть приехала, – пробурчал Кудеяр. – Динамо она, Радослав, точно тебе говорю: динамо. У нее карьера на уме, а значит, замуж выйдет или за баронского сыночка, или за старого туза из придворных.

– А мне отец говорил, что жена у будущего воеводы должна быть женщиной простой. Без магических способностей то есть, – встрял в разговор один из соколов. – Жена, она для дома, для души. А колдуньи сами по себе. – Он почесал в затылке. – Зато любовницы они классные.

– А ты пробовал?

– Говорят...

– Когда попробуешь, тогда и скажешь!

– А феи считаются колдуньями? Тогда я пробовал!

– И я!

– И я!

Молодые соколы засмеялись. И только Радослав не поддержал вспышку веселья. Молча оглядел друзей и негромко пробурчал:

– Победителей любят все.

Кудеяр покачал головой:

– Не изводись, дружище, иди в бой для себя. И победы для себя. А все остальное – как получится. – Помолчал и добавил: – Женщины непредсказуемы.

... В первую очередь молодежный турнир проводился в интересах Великого Дома Людъ. В определенной степени его можно было считать неофициальным экзаменом: на соревнованиях обязательно присутствовали воеводы и обер-воеводы всех доменов, опытные воины, которые указывали молодым бойцам на ошибки, а потом предоставляли баронам подробный отчет о подрастающей смене. Но если молодежь из другой семьи формировала команду и бросала вызов людям, им, как правило, не отказывали. Тренироваться так тренироваться, кто знает, возможно, через несколько лет бойцам придется сойтись в настоящем сражении, так почему бы не узнать получше будущих противников? В этом году против дружинников выступали четыре команды чудов и две хванов, больших любителей помахать мечами по любому поводу. Однако их выступления считались показательными и проходили вне основного зачета. Зато в личном первенстве правила были другими, в нем победитель определялся вне зависимости от семейной принадлежности.

– Ну, что, сладенькие мои, ставочки делаем? – юркий конец уверенно вклинился в стайку молодых фей, перебил девичий разговор и даже приобнял двух ближайших красавиц за талии. – Будем болеть по-настоящему или платочками размахивать?

Нахальство лысого толстяка не вызвало у девушек раздражения, скорее наоборот: белокурые колдуньи моментально попали под природное обаяние конца, заулыбались и придвинулись ближе.

– Ключий, привет!

– Ты все о деньгах да о ставках!

– А о чем еще?

– Мог бы для начала сделать пару комплиментов.

– С удовольствием, лапочка. – Конец привстал на цыпочки и чмокнул Златку в щеку. – Ты, как всегда, прелестна, солнышко, уже подарила кому-нибудь свою девственность?

– Какой ты... – Фея зарделась.

– Помни о моем предложении, – с улыбкой продолжил Ключий.

– Ты делал ей предложение? – осведомилась Любава.

– Точно такое, как и тебе, солнышко.

Теперь покраснела и вторая девушка. Если бы Власта не была столь занята, она бы наверняка подумала, что подруга приняла предложение ушлого конца, но мысли феи витали далеко от подобных тем.

– Ты принимаешь ставки на предстоящий поединок?

– Финал личного первенства.

– Поставлю, пожалуй.

– На Радослава? Он, кажется, готов сокрушить любого соперника.

– Он такой высокий, – мечтательно вздохнула Златка. Но руку конца, ласкающего ее талию, не стряхнула.

– Каковы его шансы? – спросила Власта.

– Увы, – вздохнул Ключий, – невысоки.

– Почему?

– Сами смотрите, с кем предстоит драться Радославу...

Его не приветствовали.

С людьми все понятно – они ждут, когда на арене появится их сородич, длинный белобрысый увалень. На чужака косятся без восторга, хмурятся. Все ждали, что в финале сойдутся Радослав и Бронислав, капитан измайловцев, – посторонние редко добивались в личном зачете до главного поединка, ибо правила запрещали использование магии, боевой опыт участников был примерно одинаков, а потому решающую роль играла феноменальная сила людов. Но Витольд взял да и вышиб Бронислава еще в четвертьфинале. А потом играючи расправился с еще одной надеждой зеленых – хитрым Силополком из Кузьминок.

Испортил людям праздник.

Однако не завопили при появлении Ундера и чуды. Братья-чуды...

К этому Витольд тоже был готов. Он волк-одиночка, бирик. Ни в одну из команд Ордена не вошел, хотя звали. Молодые рыцари выступили на турнире не очень хорошо, родные Драконы ухитрились проиграть бой перовцам, далеко не самой сильной команде зеленых, и теперь наверняка обвиняют в этом его.

Впрочем, плевать.

Ундер сбросил куртку, оставшись в майке, плотно облегающей торс, и свободных штанах, чуть потянулся, в последний раз разминая перед боем мышцы, присел на корточки и принялся аккуратно распаковывать сверток с саблями.

- Что у него за татуировка? – спросила Златка.
- Где? – прищурилась Любава.
- На правом предплечье.
- Тебе нравятся рисунки? – поинтересовался конец. – Если скажешь, я сделаю парочку.

Специально для тебя.

– Кажется, меч... – сообщила Любава. – Точно: меч. И его что-то обвивает... Похоже на какое-то растение...

– Две змеи, – тихо сказала Власта. – Обвивают и грызут клинок.

– Верно! – Златка прошептала усиливающее зрение заклинание и теперь отчетливо видела татуировку на руке Витольда.

– Это какой-то чудский клуб? – хихикнула Любава.

– Да, – по-прежнему негромко ответила Власта. – Клуб ветеранов Лунной Фантазии. – Она прищурилась. – Разве вы не знали, что Витольд Ундер сражался под стенами Зеленого Дома?

Подруги притихли.

– Поэтому его шансы столь высоки, – вздохнул Ключий. – Здесь бьется безусый молодец, а у этого парня есть настоящий боевой опыт.

– Витольд будет драться двумя канадайскими саблями, – повторил Кудеяр. – Помнишь их характеристики?

– Тяжелые, – угрюмо ответил Радослав.

– Очень тяжелые, – уточнил Кудеяр. – Но на потерю скорости не рассчитывай: он Дракон, значит, будет работать быстро.

– Дохлый он для Дракона, – заметил один из соколов, тот, что держал секиру Радослава.

– Только с виду. – Кудеяр сплюнул. – Я эту породу знаю: пусть рыжий статью не удался, но силы в нем полно. И биться Ундер будет очень быстро.

– Я видел, как он работает, – отрезал Радослав и взял секиру. – Да и Бронислав подсказал кое-чего.

– И еще... – Кудеяр подошел очень близко, так, чтобы никто, кроме друга, его не слышал. Понимал, что есть вещи, которые следует говорить с глазу на глаз. – В опыте ты ему проигрываешь. Он умеет больше.

– Я знаю, – едва слышно отозвался капитан соколов.

– Поэтому только сила, Радослав, только сила. Смети его с арены.

Несмотря на молодежный статус, сражались на турнире настоящими клинками: воины должны привыкать к оружию. Однако для предотвращения серьезных травм и несчастных случаев перед боем каждый клинок в обязательном порядке заговаривали присутствующие на турнире ведьмы. Наложённое заклятие смягчало силу удара и не позволяло резать живые ткани. Выходящие на арену бойцы знали, что максимальный урон, который им грозит, – синяки, шишки, выбитые зубы и царапины.

Бойцы знали, что их не убьют...

Но в первый момент показалось, что заклятие не сработало и зрители – впервые в истории юношеских турниров – станут свидетелями гибели одного из соперников.

С такой яростью набросился Радослав на чуда.

Тяжеленная секира, которой дружинник, несмотря на молодость, владел виртуозно, описывала круги с такой скоростью, будто не люд ее вращал, а самолетный двигатель. Лезвие подлетало к Витольду не менее пяти раз в секунду. На разной высоте, с разной скоростью, под разными углами. Радослав, выполняя наказ Кудеяра, стремился смести противника с арены, и у него это получалось. Ундер не имел ни малейшей возможности для контратаки, его тяжелые

сабли, грозное оружие в ближнем бою, не могли заблокировать секиру люда, и Витольду пришлось отступить, уворачиваться, уклоняться... и постепенно приближаться к краю арены.

Заступишь за линию – проиграл. Таковы у людов правила. Зеленые прекрасно знают, в чем их главное преимущество.

Зрители, в большинстве своем поддерживающие Радослава, радостно заревели. Чуды лишь цокали языками, обсуждая, сколько еще секунд продержится на арене волк-одиночка. И только двое были на сто процентов уверены в победе рыжего Дракона: сам Ундер и молодая фея.

Власта знала, что Витольд слишком опытен, чтобы проиграть Радославу.

И не ошиблась.

Ундер кувыркком ушел вперед. Из самого угла арены. За мгновение до того, как – зрители были уверены в этом – должен был заступить за черту. Ушел по отчаянной траектории, под самым лезвием секиры, идеально сгруппировавшись и не допустив ни единой ошибки.

Ушел – и оказался за спиной ошарашенного Радослава.

Мгновение потребовалось люду, чтобы осознать произошедшее, остановить бешеное вращение секиры и развернуться.

Развернуться и понять, что тяжелые танадайские сабли держат его шею в смертельных объятиях.

– Эй, победитель, не хочешь прикупить сувенир на память?

Витольд, в одиночестве бредущий по центральной аллее лагеря, остановился, пару секунд колебался, а затем подошел к лотку.

– Вот замечательная рамочка с датой турнира. Вставишь в нее свою фотографию и будешь гордиться в старости.

– Чем?

– Ты ведь победил. А я выиграл на тебе немножко денег.

– Понимаю... – Витольд помолчал, рассеянно перебирая разложенные на лотке артефакты.

– Если хочешь, я уступлю тебе какой-нибудь товар со скидкой, – продолжил Итар. – Что тебе нужно?

– В принципе ничего, – признался Ундер.

– Так не бывает, – нашелся шас. – Всем что-нибудь да нужно. Подумай. Вот, к примеру, перстень с «кузнечным молотом». Я понимаю, ты – Дракон, но ведь и твои возможности не беспредельны. Скажем, надо будет передвинуть шкаф...

– Дороговато, – буркнул чуд, бросив взгляд на ценник.

– Я же говорил: для тебя скидка. К тому же это не обычный артефакт, а самый лучший в Тайном Городе. Он потребляет меньше энергии, чем аналогичные устройства у других торговцев. Если хочешь, можем проверить. У меня с собой компьютер...

– Не надо. – По губам Витольда скользнула тень улыбки. – Твой артефакт только внешне сделан в традициях Зеленого Дома, а жрет навскую энергию. Поэтому программа и показывает экономию.

Кумар осекся, потом огляделся, убедился, что парня никто не слышал, и осведомился:

– Кто тебе сказал?

– Я не идиот.

Шас поджал губы:

– Только никому не рассказывай.

– Тебя ведь зовут Итар Кумар, да? – неожиданно спросил чуд.

– Да.

– Это правда, что тебя никак не принимают в Торговую Гильдию?

А вот теперь шас разозлился. Сильно разозлился. Но, будучи торговцем, виду не показал. Не отвернулся, не процедил подходящее случаю ругательство, но язвительно поинтересовался:

– А правда, что тебя, Витольд Ундер, выгнали из гвардии великого магистра?

– Я сам отозвал прошение, – спокойно ответил чуд.

– Слухи говорят обратное.

– В твоём случае тоже?

Кумар хрустнул пальцами, поморщился:

– К чему этот разговор, Витольд Ундер, которого никто не любит?

– Почему ты так решил?

– Ты только что победил в финале, но идешь один. Без друзей. И даже без подхалимов.

– А ты до сих пор торгуешь, хотя все твои соплеменники уже прикрыли лавочки и готовятся к празднику.

– К чему этот разговор? – повторил шас.

Ундер пожал плечами:

– Не знаю.

Одиночества притягиваются.

Неловкое молчание, возникшее у лотка, рассеяли феи. Две шедшие мимо девушки, щебетание которых было слышно издали, неожиданно подошли к шасу и чуду.

– Отчего победитель такой грустный? – осведомилась одна из них, взгляд зеленых глаз которой казался слишком взрослым для столь юного создания.

– Я просто задумался, – буркнул Витольд.

Златка демонстративно смотрела только на шаса, ей было неприятно находиться рядом с тем, кто победил Радослава. Такого высокого. Такого красавчика...

– Собрался в Москву?

– Да.

– Не останешься на праздник?

– Вряд ли мне будут рады.

Власть внимательно посмотрела на Витольда и негромко сказала:

– Все рады победителю.

– Не в этот раз.

– Зеленый Дом грустит, – ехидно добавил Итар.

Златка фыркнула и перестала смотреть на противного шаса.

– Поедешь на машине? – уточнила Власть.

– У меня нет машины, – ответил Ундер. – Доберусь до станции – и на электричку.

– Мы как раз собирались в Москву.

– Разве? – Златка удивленно вытаращилась на подругу. – Я думала, мы останемся на праздник.

– Мне надо в Москву, – твердо сказала Власть, в упор глядя на Витольда. – Поедешь?

Тот отрицательно качнул головой:

– Нет.

– Ну, как знаешь. – Девушка помолчала. – Скажи, тебе выдали приз?

– Сказали, что награждение состоится перед праздником. А я уезжаю.

– В таком случае вот тебе награда. – Власть протянула Ундеру золотое колечко. – Приз зрительских симпатий.

Сказать, что у Итара и Златки отвисли челюсти, – значит не сказать ничего. В открытые рты свидетелей разговора мог залететь средних размеров вертолет.

В какой-то момент показалось, что Витольд откажется и на этот раз. Но, чуть поколебавшись, чуд принял украшение.

– Спасибо.

– Привет, победитель.

Власта взяла под руку ошарашенную подругу и потащила ее по аллее. Ундер молча положил колючку в карман.

Кумар театральным жестом вернул челюсть на место и удивленно пробормотал:

– Спящий-проснувшийся, она тебя клеила. Не могу поверить, она тебя клеила!

– Что в этом такого?

– Что такого? Да ты знаешь, кто она?

– Фея, – буркнул Витольд. – Власта, кажется.

– «Кажется»?! – Итар никак не мог прийти в себя. – Да здесь любой мужик палец себе откусит за один только взгляд, подобный тем, что она на тебя бросала, клянусь ушами Спящего!

– Расслабься и думай о деньгах, – посоветовал Ундер. – Я слышал, это вас успокаивает.

– Ты ведешь себя глупо!

– Это ты мне?

– А кому же еще! – Златка кипела от негодования. – Что ты хотела от этого рыжего?

– Ничего не хотела.

– «Поедешь с нами? Мне надо в Москву...» А зачем ты подарила ему кольцо? Что это за знак?

Власта жестко посмотрела на подругу и довольно резко спросила:

– Златка, неужели ты не поняла, что ему плохо?

– Он победил. И между прочим, победил Радослава!

– Ему очень плохо, – вздохнула Власта. – И плевать ему на победу.

– А какое тебе дело до чуда?

Этот вопрос Власта оставила без ответа.

И шас, подметивший, что Ундер идет один, и Власта, обратившая внимание на грусть победителя, ошибались – Витольду не было плохо. Победа – не просто победа, но над человеком – привела рыжего в прекрасное расположение духа. Он был весел, доволен и горд собой. Но не считал нужным делиться своей радостью с окружающими.

Эмоции говорят о тебе слишком много, проявишь их – покажешь свою слабость. Эмоции только для своих, для тех, кому веришь беззаветно. В этом Ундер был настоящим Драконом, достойным выходцем из самой замкнутой ложи Ордена.

А подаренное кольцо Витольд достал из кармана только в электричке. Какое-то время просто смотрел на него, вспоминая лицо девушки и их разговор, а затем положил украшение на ладонь, прошептал короткое заклинание и тихонько подул.

И увидел то, что ожидал: привязанную к кольцу бумажку с наспех нацарапанным телефоном.

* * *

Краевое полицейское управление, Красноярск,

6 августа, воскресенье, 17:26 (время местное)

«Куда девалась найденная девушка? Почему молчит полиция?»

«Какова судьба Риммы Симонович?»

«Родители девушки отказываются от интервью».

«Леопольд Савраскин: „Я не верю полиции...“

«Леопольд Савраскин: „Я верю в инопланетян...“

«Отец Риммы Симонович избил Леопольда Савраскина».

Отправляясь в библиотеку, барон не особенно рассчитывал на успех, ибо, как показывал опыт, действительно странные или необъяснимые с человеческой точки зрения факты не так уж часто попадают на газетные страницы. Немногие из тех, кто столкнулся с настоящим проявлением сверхъестественного, вызывают репортеров, скорее уж, оставляют необычный рассказ для семейной истории. А если и обращаются в газеты, то, как правило, не в состоянии внятно и гладко рассказать, что видели. Это ведь обычные челы, самые обычные. А посему журналисты гораздо больше привечают записных вралей, придумывающих невероятные истории ради пятнадцати минут славы, или сочиняют сенсации сами. По всему выходило, что ловить в провинциальной прессе нечего, но Мечеслав положился на чутье. И приготовился листать подшивки за несколько последних месяцев.

И очень удивился, сразу же наткнувшись на любопытный факт.

«Римма Симонович снова исчезла!» – гласил броский заголовок.

«Снова исчезла? Интересно...»

И через тридцать минут барон знал, как развивались события. В общих чертах, разумеется.

Все началось с того, что из лагеря экспедиции пермских уфологов, разбитого примерно в семи милях от границ территории Светозары, пропала восемнадцатилетняя Римма Симонович. Именно пропала. Она не заблудилась в лесу, не отстала – легла спать вместе со всеми остальными, а утром ее уже не было. По словам главного уфолога – Леопольда Савраскина, – он обратился в полицию практически сразу, всего через два часа самостоятельных, не давших результата поисков. Прибывшие из Туры полицейские повели расследование в двух направлениях: начали допросы туристов, предполагая возможность преступления, и объявили полномасштабные поиски, с привлечением спасателей МЧС, лесников и добровольцев. Римму нашли через день в тридцати милях к югу от лагеря. Голодную, оборванную и совершенно безумную. Девушка никого не узнавала, не отвечала на вопросы, словно разучилась говорить, только подвывала и плакала. Транзитом через Туру ее доставили в Красноярск, а после... После поток информации неожиданно оборвался. Полицейские, врачи и срочно примчавшиеся в город родители Риммы хранили молчание, заставляя журналистов соревноваться в придумывании все более и более фантастических версий. Впрочем, «неназванные источники» из полицейского управления намекали, что отсутствие информации связано с воскресными днями и в понедельник широкой публике обязательно все расскажут, однако доверия эти заявления не вызывали.

Увидев, что информационная ценность газетных статей устремилась к нулю – репортерские домыслы Мечеслава не интересовали, – барон захлопнул подшивку, потянулся и покопался на сидящего у стены помощника.

– Вот теперь, Волеполк, имеет смысл прогуляться в полицейское управление. Нам есть о чем поговорить.

– Заявим об исчезновении Белой Дамы, господин барон?

Старый служака стряхнул с себя дремоту и резко поднялся на ноги. Мечеслав усмехнулся шутке и тоже встал со стула.

– Совпадения бывают редко, Волеполк. У нас пропала Светозара, у челов – девчонка. Надо проверить, не связаны ли эти события между собой.

– И что мне говорить?! – Кусков разъяренно посмотрел на заместителя начальника управления. – Что?

Повышенные тона в разговоре с начальством следователь позволял себе не часто, очень редко, если быть честным, и только по серьезному поводу. На сей раз причина раздражения была весомой: Кускову приказали подумать, что говорить журналистам в понедельник насчет дела Риммы Симонович.

– У нас есть пресс-служба, пусть отдуваются!

– Леша, ты ведешь это дело, дай им хотя бы какой-то материал.

– Ты знаешь, какой материал у меня есть.

– Рассказывать правду... э-э... – замначальника потер нос. – Э-э... преждевременно. Как мне кажется.

– А говорить неправду я не умею, – быстро сориентировался Кусков.

– Неужели?

– Честное слово.

– Тебе, между прочим, тридцать шесть, – припомнило начальство.

– Угу.

– Пора бы научиться врать.

– Это приказ?

– Это пожелание. – Заместитель начальника управления усмехнулся. Он помнил Кускова еще сопливым стажером, был его куратором, а потому позволял Алексею некоторые вольности. Но в определенных пределах. – А приказ таков: подумай, чем ты можешь помочь пресс-службе. Нужно потянуть время.

– Понятно, – пробубнил следователь.

– А чтобы тебе не было скучно, поговори с парой очкариков.

– Что за очкарики? – насторожился Кусков.

– Какие-то видные психологи. – Начальство поморщилось. – Услышали о Симонович и примчались. Мне звонили коллеги из Москвы, очень просили поспособствовать.

– А наши обстоятельства?

– Это свои люди, проверенные, с самыми лучшими рекомендациями. Они неоднократно помогали полиции и вообще... с большими связями. – Замначальника вздохнул. – Не буду говорить, кто за них просил, но поверь – фигура значимая. В общем, суть такая: с ними можешь быть откровенен.

– Понятно, – повторил Кусков.

– Профессор Скоконь, судебная психиатрия. – Барон протянул следователю визитку. – А это мой коллега доктор Бурцев.

Полицейский мрачно оглядел гостей и махнул рукой на стоящие у стола стулья: «Присаживайтесь!» Сам плюхнулся в кресло и повертел в руке визитку.

«Ученые... Как же! Ну этот, красавчик, еще ладно. Если забыть о шраме на шее, то может сойти. А вот второй, молчаливый, – чистый громила».

Мощным телосложением Волеполк не отличался, однако от Кускова не укрылись ни его выправка, ни точные движения, ни внимательный взгляд.

«Скорее уж телохранитель, а не коллега...»

А вот барону чел понравился. Чувствовалось, что самостоятельный и хваткий. Зазнайка нет, но в себе уверен. Профессионал.

Потому он улыбнулся и предложил:

– Называйте меня Мечеславом.

– Чем могу? – осведомился Кусков.

– Мы с коллегой находились в Новосибирске на конференции. Услышали о происшествии с Риммой Симонович и решили прилететь. Нас заинтересовал случай внезапной и необъяснимой потери памяти.

– Вот так взяли и решили?

– Что вас смущает?

Полицейский покачал головой:

– Не всякие ученые могут себе позволить взять и сорваться с места. Опять же, билеты к нам недешевые...

– Ах, вы об этом. – Мечеслав чуть пожал плечами. – Не скажу, что я и доктор Бурцев светила с мировыми именами, но... Я достаточно известен в своих кругах и неоднократно работал за рубежом. А у доктора Бурцева большая практика в Москве. Так что мы вполне обеспечены, чтобы взять билет на самолет и отправиться к месту заинтересовавшего нас происшествия. Вы удовлетворены?

– Вполне.

– И главное, поверьте: наш интерес носит исключительно профессиональный характер. «В этом я не сомневаюсь. Вопрос только в том, в какой области вы профессионалы?»

Кусков положил визитку на стол, взял карандаш, повертел в пальцах и принялся грызть кончик. Машинально. Он недавно бросил курить и теперь тащил в рот всякую ерунду.

– Мы бы хотели увидеть девушку. И, если возможно, обследовать ее, – продолжил барон. – Мы полагаем, что имеет место уникальный случай неожиданной формы депрессии. Весьма редкий. Правда, коллега?

– Гм... – утвердительно промычал Волеполк.

Следователь покосился на подавшего голос громилу, вздохнул и буркнул:

– Девчонка пропала.

И понял, что не удивил ученых гостей.

– Я просматривал газеты, – медленно произнес Мечеслав, – и обратил внимание на то, что информация стала менее подробной.

– Пока мы не афишируем ее исчезновение, – объяснил Кусков.

– Почему?

– Надеемся найти.

– Логично, – признал барон. – Один раз у вас получилось.

– Римма совершенно беспомощна. Грубо говоря, может только идти. Не разговаривает: мычит, плачет...

– А основные рефлексы?

– Ест сама. На боль реагирует.

– То есть потеряны только память и речь.

– Угу.

Мечеслав потер шею. Пальцы скользнули по старому шраму, и Кусков в очередной раз подумал, что этот психиатр не очень похож на психиатра.

– Скажите, Алексей... вы не против, если я буду вас так называть?

– Называйте.

– Спасибо. Так вот, скажите, Алексей, повторное исчезновение Риммы не сопровождалось какими-нибудь... э-э... событиями?

– Например?

Кусков постарался спросить как можно небрежнее, но насторожился. Даже карандаш на мгновение оставил в покое. Если психиатр со шрамом знает, о чем спрашивает, это может оказаться ниточкой. Той самой ниточкой, которой сейчас отчаянно не хватало полиции. О том, что произошло в больнице в ночь исчезновения Риммы, неизвестно широкой публике. И вот Скоконь интересуется... Случайно? Или...

Барону удалось с честью выйти из положения.

– Алексей, я понятия не имею, что у вас случилось: вторжение инопланетян, полеты ведьм, падение самолета... Согласитесь: обстоятельства дела весьма запутанны, и это дало мне право предположить, что странности продолжились. Собственно, само по себе исчезновение беспомощной девушки, мягко говоря, необычно.

– Согласен, – неохотно признал полицейский.

– Так что случилось?

– В ночь, когда Римма исчезла из больницы, сошел с ума дежурный врач, – ответил Кусков, изучая измусоленный карандашный кончик.

– Его рабочее место находилось далеко от палаты девушки?

– В двух шагах.

– Любопытно... – Мечеслав снова поскреб шрам. – Симптомы не скажете?

– Никого не узнает, не говорит, ходит под себя, питается через трубочку.

– То есть он не буйный?

– Он вообще никакой. Он овощ.

Психиатры переглянулись.

– Алексей, мы можем осмотреть несчастного? Прямо сейчас?

– Вы смеетесь? – Кусков уже понял, что выудить из гостей какую-либо информацию не получится, а потому демонстративно положил перед собой чистый лист бумаги. – Во-первых, мне нужно писать отчет. Во-вторых, сейчас воскресенье, вечер, а в больнице, знаете ли, режим.

– Верно, – опомнился Мечеслав. – А завтра? С самого утра?

– Завтра и приходите.

– Всеслава? Дорогая, мне требуется поддержка, нужна опытная фата... Нет, милая, не нужно конфиденциальности, я сделал главное: напал на след, так что теперь мне требуется подходящий инструмент... А ты во мне сомневалась? – Барон улыбнулся. – Нет, пока говорить рано, да и нечего, если честно. Пусть прилетает завтра утром... по местному, разумеется, времени... Ага. И я тебя...

Мечеслав сложил телефон и подозвал к себе помощника. Во время разговора старый дружинник стоял в нескольких шагах от барона и даже не смотрел в его сторону.

– Дружище, завтра сюда прибудет колдунья.

– Да, господин барон.

– Она пойдет со мной в больницу. В твоём облике, разумеется.

– Да, господин барон.

– А пока было бы неплохо поселиться в какой-нибудь гостинице.

– Да, господин барон.

* * *

В небе,

6 августа, воскресенье, 22:13

Железная колесница – Ярга уже знал, что она называется «самолет», – стремительно рассекала воздух, пожирая пространство с жадностью голодного хищника. Странная вещь. С одной стороны, толковая – быстрая, но шумная и ненадежная. Одно слово – мертвая. Маги-

ческая энергия, которой наполняются артефакты, делает живыми и железо, и камень, заставляет их душу искриться, играть, дарит тепло и свет. Переработанная нефть, которая бегала по венам самолета, была такой же мертвой, как и его тело. Она позволяла колеснице мчаться среди облаков, но не более.

Мертвое и мертвое. Прекрасный символ мира, лишённого души.

Или мира со спрятанной душой?

– Уважаемые пассажиры! Через несколько минут стюарды начнут подавать обед...

Стюард, самолет, аэропорт...

Новые слова, образы и язык пришли к Ярге вместе с памятью врача. Со всей памятью. Ярга высосал из человека все: детство и юность, школу и институт, мечты и надежды, а потом несколько часов разбирал полученную информацию. Что-то выбрасывал, что-то запоминал и теперь достаточно хорошо ориентировался в мире... которым не правил ни один Великий Дом!

Если врач был заурядным представителем своего общества – а у Ярги не было оснований считать иначе, – то картина нынешнего устройства Земли оказывалась просто фантастической! Господствующая раса, так называемые люди, до сих пор не образовали единого государства, верили в разных богов (!) и охотно враждовали друг с другом. Магию и колдовство они считали сказкой, за пределы Земли до сих пор не выбрались и свято верили в то, что являются единственными разумными на планете.

И это при том, что на поляне ему пришлось схватиться с настоящей ведьмой!

К сожалению, Ярга не имел возможности как следует изучить ее тело, а потому не знал, была ли убитая им колдунья человеком или нет. Впрочем, подобные нюансы не важны: она была ведьмой, она умела пользоваться своими магическими способностями и не считала их сказкой. Получается, магия в этом мире, вопреки извлеченной из головы врача информации, все-таки есть, а те, кто ею владеет, вынуждены прятаться...

Занятно.

Ярга был достаточно циничен, чтобы просчитать возможный вариант сложившейся на Земле ситуации. Огромное поголовье людей, в большинстве своем не владеющих магией, каким-то образом сумело захватить власть на планете. Маги, которые среди них наверняка были, попали в немилость, их неприятие периодически обретало форму массовой резни, а потому колдуны были вынуждены объединиться в закрытое общество, которое... Эту часть Ярга продумал не очень хорошо – не хватало информации. Возможно, маги расползлись по лесам, подобно встреченной им колдунье, и коротают свои дни в тишине. А возможно, объединились в тайное общество и дергают за ниточки, заставляя людей делать то, что считают нужным.

Оба варианта имели право на существование. Более того, вполне могло оказаться, что есть и прячущиеся, и кукловоды. Оставалось выяснить, где они.

Москва.

Это слово часто повторялось в обрывках мыслей умирающей колдуньи. Будь Ярга сильнее, он бы смог покопаться в памяти ведьмы лучше, но приходилось довольствоваться тем, что есть.

Москва.

Теперь Ярга знал, что это название столицы местного государства. Правда, по мнению врача, она была населена исключительно людьми, но ведьма едва не кричала: «Сообщить в Москву!», а значит, врач ошибается. В столице его страны есть не только люди.

Покончив с размышлениями, Ярга принялся действовать. Покидая больницу, он не забыл вытащить из кармана врача бумажник и теперь располагал небольшой суммой денег. Ее бы не хватило на билет до Москвы, однако Ярга и не собирался обращаться в кассу. У него не было документов, а тело, в котором он оказался, искали все местные полицейские, что делало невозможным открытое путешествие. Придется тратить драгоценные крупницы магиче-

ской энергии на морок. Впрочем, игра того стоила, а расходовать энергию Ярга умел чрезвычайно экономно. Добравшись до аэропорта, он целый день провел в наблюдениях, тщательно скрывая свое присутствие от посторонних глаз. Узнал, куда приземляются самолеты, где они стоят, какой из них и когда полетит в Москву. К счастью, обнаружившиеся в теле-носителе зачатки магических способностей позволили Ярге отвести окружающим глаза и незамеченным проникнуть на борт московского самолета.

Энергия таяла, но железная машина неудержимо летела к Москве, и Ярга был уверен, что не окажется в подозрительном городе выжатым досуха. Ведь впереди – наверняка! – его ждет серьезная драка.

– Уважаемые пассажиры, наш самолет начинает посадку. Просим вас занять свои места и пристегнуть ремни...

Глава 2

Стены твердыни были сложены из могучих бревен, покоящихся на мощном каменном основании. Высокие толстые стены, надежные, но все-таки деревянные. На первый взгляд это казалось недостатком: поджечь старые бревна, даже пропитанные особым составом, рецепт которого колдуны хранили в строжайшем секрете, и усиленные плотной сетью защитных арканов, все же легче, чем камень. Но так казалось лишь на первый взгляд. Несмотря на то что Зеленый Дом, штаб-квартира Великого Дома Люды, был целиком выстроен из дерева: стены и башни, здания и крытые переходы – весь, в истории войн Тайного Города еще не было случая, чтобы дворец пылал. Хотя поджечь его пытались при каждом штурме. Редкие очаги огня случались в местах, где атакующим магам удавалось прорвать защиту колдуний, огнедышащие заклинания невидимыми змеями просачивались сквозь оборонительную сеть людов и жадно вгрызались в постройки дворца. Или падали сверху драконы, чье дыхание действовало эффективнее иного аркана. Они уклонялись от «Эльфийских стрел», продавливали магический купол и жарили крыши. Бывало, что пожар устраивали маги, прорвавшиеся на стены вместе с воинами. Все бывало. Зеленый Дом знал, что такое огонь. Но превратить деревянный дворец в огромный костер не удавалось никому.

Однако – старались.

И на этот раз рыцари ураганы, ведущие специалисты Ордена по работе со стихиями, превзошли ожидания мастера войны. Люды, вымотанные затяжными боями с гиперборейскими тварями, не смогли оказать достойного сопротивления хорошо подготовленным магам, пропустили сразу несколько серьезных ударов, что привело к появлению в Зеленом Доме мощных очагов возгорания. До полного успеха, разумеется, было очень далеко, однако высокие языки пламени, взметнувшиеся за спинами защитников дворца, подняли и без того высокий боевой дух рыцарей.

Горны заиграли веселее, а на губах готовящихся к штурму воинов появились скупые улыбки: что может быть лучшим началом сражения, чем пожар в чужой твердыне?

– Отставить смех! – орал командир отрядов.

Но трудно, очень трудно стереть с лица улыбку в таких обстоятельствах. Даже опытные ветераны не спешили выполнять приказ, чего уж говорить о молодых бойцах, для которых эта битва должна была стать первым сражением в войнах Великих Домов? Огонь, разгоняющий ночную тьму, тяжелый черный дым, заполняющий внутреннюю территорию дворца, шатающиеся от усталости люды на стенах – чуды видели, что все идет хорошо, так, как нужно Ордену. И даже лучше. А потому улыбались.

Все предвещало удачу. Абсолютно все.

Штурмовавшие Зеленый Дом гиперборейские твари результата не добились, даже на стены ни разу не поднялись, но дело свое сделали: измотали людов до последнего предела. И уступили место свежим полкам Ордена, грезившим о славе покорителей Люды. Рыцари пришли добывать зеленых. Не совсем благородно, конечно, но война есть война, и если появилась возможность навсегда избавиться от древнего врага, то почему бы ею не воспользоваться?

Впрочем, даже сейчас, в атмосфере возбужденного ликования, в предвкушении победы, большинство чудов понимало, что стереть танцующего журавля с лица Земли не получится. В арсенале высших магов любого Великого Дома есть заклинания колоссальной силы, самоубийственные арканы, способные повлиять на экологию всей планеты, и угроза их применения всегда позволяла лидерам терпящих бедствие Домов добиться условий почетного мира. Будет ли так на этот раз? Скорее всего. Орден не собирался ставить под удар Землю. Но каждый стоящий под стенами Зеленого Дома воин знал, что от его действий, от его мастерства зависит очень много. Люды уже понесли тяжелейшие потери, и если как следует добавить,

если не зевать, врезать в полную силу до того, как королева поднимет белый с черной полосой флаг ультимативного предложения переговоров, то силы зеленых окажутся подорванными на долгие годы. А может быть, и навсегда, ибо много, очень много колдуний и дружинников не пережили яростные атаки гиперборейцев.

Поэтому рыцари улыбались.

Поэтому не думал об осторожности молодой мастер войны, ведущий в бой цвет Ордена.

Рыжеволосая Чудь замерла в ожидании великой победы.

Да и что еще может прийти в голову при взгляде на несокрушимые шеренги, медленно движущиеся на штурм горящего Зеленого Дома? На алые штандарты, реющие у самого сердца Люди?

Еще один удар.

Еще один натиск.

Еще...

В центре построения расположилась гвардия великого магистра, рыцари-маги, воины-колдуны. Им, элите армии Ордена, была поручена самая главная, трудная, кровавая, а потому – самая почетная задача: снести ворота и ворваться внутрь дворца. Командующий штурмом Гюнтер Шайне хотел не просто победы, а славной виктории. Хотел провести сражение в лучших традициях воинского искусства. Устроить пир жезла и крови. Хотел битвы, о которой будут слагать легенды. Люды быстро разгадали, что готовится прямой удар по воротам, подтянули резервы, приготовились умереть, но не пустить рыжих. Но Гюнтер не собирался отказываться от эффектного удара.

По правую руку от гвардии к деревянным стенам дворца шли отряды ложи Драконов. Все как один высокие, широкоплечие, легкая пехотная броня делала их похожими на вставшие на дыбы танкетки. Большинство Драконов в обычной жизни были ярко выраженными флегматиками, но азарт боя выворачивал их наизнанку, превращал в неудержимых берсерков, палицы и молоты которых легко проламывали даже защищенные заклинаниями доспехи.

Слева шли Саламандры, высокие пехотинцы с длинными двуручными мечами. «Золотая» пехота древней Чуди, вписавшая не одну славную страницу в историю Ордена. Саламандры умели упрямо стоять и идти вперед, невзирая на потери, умели брать города и отбиваться посреди чистого поля. И пусть поступь их боевых отрядов была традиционно медлительной, вызывающей усмешки, на конечном результате она никогда не сказывалась – то была медлительность сверхмощного, не знающего преград бульдозера.

Прикрывали штурм лихие рубаки из ложи Мечей, быстрые и бесшабашные, способные в кратчайшее время оказаться в нужном месте и стаяй ос облепить любого противника. Если не победить, то задержать, если не задержать, то нанести такой урон, что подоспевшему подкреплению не придется прилагать особых усилий для победы. Атака, атака и еще раз атака – философия Мечей, издавна бывших любимцами Чуди.

А еще над дворцом парили драконы. Настоящие, до сих пор обитающие в бестиарии Ордена.

А еще Зеленый Дом атаковали лучшие маги Чуди, обеспечивающие своим войскам комфортное продвижение к стенам.

А еще была потрясающая уверенность в своих силах.

Кто мог устоять против грозного Ордена?

Кто?

Уставшие защитники горящего дворца? В ту минуту на стены Зеленого Дома поднялись все способные сражаться. Старики и зеленая молодежь, раненые, наспех перевязанные дружинники, выжатые досуха, оставшиеся без магической энергии колдуны, бравшие в руки непривычные сабли. Но зеленые глаза людов горели решимостью. Горели ненавистью.

И души рыцарей пели. Ибо видели они, что ненависть эта, эта решимость – обреченных. Люды знали, что приближается их последний бой.

Он не мог видеть красоту боевых построений Ордена, для этого нужно было оседлать дракона или заглянуть в тактический шар, в котором строили изображение штабные маги. А он стоял в ряду бойцов и сжимал в руке тяжелую палицу. Но он чувствовал мощь своей армии, ее потрясающую силу и грозную красоту. Чувствовал каждой частичкой души. Ловил энергию всего войска и каждого рыцаря в отдельности. Впитывал ее и сам отдавал. Он был одним из них, и они были частью его – неотделимой частью.

Славная рыжая Чудь.

Единая.

Непобедимая.

Он стоял в одном строю с седьми ветеранами и упивался сладостным ощущением предстоящей битвы. Своего первого сражения.

И его окрыляло сознание того, что победа неизбежна.

А потом он не выдержал, закричал так, что заложило уши. Не от боли закричал – от переполняющих чувств. Запели души воинов, и гимн боя вылился в громкий рев – так рыцари приветствовали открывшиеся ворота.

Обреченные люды решились на вылазку. Показали, что им знакомо слово «гордость». И вся гвардия, все идущие на штурм рыцари закричали. И радостный рев служил не только боевым кличем, предрекающим смерть врагам, но и данью уважения, ибо королева сделала то, на что решился бы не всякий великий магистр. Закричали рыцари потому, что воин всегда оценит Поступок другого воина.

Гордые всегда вызывают уважение.

И он закричал вместе со всеми. Потому что был частью их. Потому что тоже понимал. Потому что именно в эти минуты юноша превращался в воина.

Люды открыли ворота.

И те из них, кто еще мог сражаться с рыцарями на равных, ринулись вперед. На железную стену свежих, крепких и замечательно обученных воинов. Воевода Милана вела остатки Дочерей Журавля. Самых боеспособных дружинников, сводный отряд из разных доменов, возглавил барон Мечеслав. Лучшие воины из тех, что остались в распоряжении королевы Всеславы, вышли из крепости, чтобы дать врагу бой. Самоубийственный. Беспощадный. Бой, который никогда не сотрется из памяти поколений.

Кому-то он мог показаться глупым и ненужным. Вылазка не могла изменить ход штурма, и на башне дворца вот-вот должен был появиться белый с черной полосой флаг. Но у истории, как и у войны, свои законы. И умирающие у стен дворца дружинники кровью своей цементировали единство Великого Дома Людь. Заставляли стоящих на стенах соплеменников плакать от горя и гордости одновременно. Прокладывали своему народу путь в будущее.

Погибая у стен.

Рыцари, прекрасно осознающие собственное превосходство, уверенно бросились на горстку смельчаков, накатились бронированной волной, врубились языками длинных мечей, надеясь растоптать мгновенно, с ходу, ворваться во дворец по трупам... А те ответили. Не отступили. Вросли в свою землю.

Воевода Милана и барон Мечеслав, колдуньи и дружинники, не имеющие ни одного шанса выжить, но сражающиеся так, словно не было позади нескольких дней утомительных боев. Отчаянно. Яростно. Казалось, что, даже умерев, они продолжали оставаться в строю и вести бой. Пронзенные мечами и «Эльфийскими стрелами», они все равно поднимались и бросались на врага. Ломались секиры – в ход шли ножи, ломались они – дрались голыми руками.

И разработанный чудами план битвы нарушился. Драконы и Саламандры, выполняя полученные указания, штурмовали стены, бились, но гвардия великого магистра, элита армии Ордена, краса и гордость Чуди, оказалась скованной у ворот. Никак не могла сделать следующий шаг, не способная уничтожить не желающих умирать людов.

Ему полагалось находиться в последних рядах наступавших, но он схитрил, сумел протиснуться ближе к передней линии и потому успел схватиться с людьми лицом к лицу. Отряд, в котором он бился, оказался единственным подразделением Драконов, которому удалось закрепиться на стене и завязать бой. Они надеялись создать плацдарм, через который железный поток хлынет внутрь твердыни, но не сумели. Зеленые не хуже рыцарей понимали, чем грозит подобная перспектива, а потому отбивались отчаянно, заставив Драконов захлебнуться в крови.

А подтянуть подкрепления те так и не смогли.

В какой-то момент ему пришлось сражаться с двумя дружинниками одновременно. Да еще уворачиваться от посланной какой-то ведьмой «Эльфийской стрелы», да при этом не поскользнуться в лужах крови. И пусть оба дружинника были ранены – у одного перевязана рука, у другого шея, пусть «Эльфийская стрела» летела медленнее бабочки – для шестнадцати лет это было серьезным испытанием.

Ведь рядом падали ветераны прежних войн.

Хрип.

Стоны.

И хохот обезумевшей колдуньи, вскочившей на край стены и метавшей «Шаровые молнии» в гуцу рвущихся наверх Драконов.

Ему повезло. Одного дружинника он срубил сам, зайдя со стороны поврежденной руки. Второй оказался слишком близко от зубца, и в него влетела «кошка», тянущая за собой штурмовую веревку. Острый наконечник пронзил грудь дружинника.

«Ранен? Убит?» Проверять некогда, главное – не опасен. Люды продолжали прибывать, и он понял, что надо уходить. Скатился вниз по лестнице, успев напоследок дотянуться до сумасшедшей ведьмы – палица раздробила зеленой коленную чашечку. Он спрыгнул со стены, но был уверен, что это временное отступление, что штурм захлебнулся только у Драконов, что гвардия и Саламандры оказались более удачливы, что им удалось выполнить приказ мастера войны.

Он все еще не сомневался в победе.

А потом...

А потом за спинами чудов появились гарки.

Изначально Темный Двор занимал в противостоянии Зеленого Дома и Ордена нейтральную позицию, готовился к обороне, всячески подчеркивая, что не располагает ресурсами для ведения серьезной наступательной войны. Навам удалось убедить магов Чуди в том, что Источник Темного Двора переживает сезонный спад мощности. Удалось обмануть.

Князь распорядился атаковать в тот самый момент, когда предвкушающие победу рыцари дожимали зеленых. Когда Орден уже готовился к торжествам, а великий магистр обдумывал условия, которые выставит предложившей переговоры королеве.

Но белый с черной полосой флаг так и не взвился над Зеленым Домом. Не склонил голову танцующий журавль.

Навы ударили в спину.

Не совсем благородно, конечно, но война есть война, и если появилась возможность навсегда избавиться от древнего врага, то почему бы ею не воспользоваться?

Победа превратилась в поражение столь стремительно, что большинство погибших от навского удара рыцарей даже не поняли, что произошло. Охваченные азартом, видящие только стены дворца и пламя над ним, они пропустили момент, когда за их спинами выросли быстрые, сильные и безжалостные гарки. Сто бойцов направил князь под стены Зеленого Дома, но этого хватило, чтобы поставить Орден на колени.

Несколько минут потребовалось гаркам, чтобы добиться стратегического преимущества, смять блестящую армию и рассечь ее на несколько разрозненных групп. Свежий резерв выкосили поголовно, то же случилось с задними рядами штурмующих, затем смели штаб, заставив бежать мастера войны, перебили поддерживающих наступление магов, прижали остатки рыцарской армии к стенам дворца и выпустили на них истребительные отряды масанов и морян.

Железная волна откатилась от стен. Лестницы упали. Воспрянувшие люди бросились добивать тех, кто еще оставался на стенах. Не щадили никого.

Он видел, как прыгали с пятиметровой высоты Драконы. Некоторые вскакивали и бежали к своим, некоторые оставались лежать. Со сломанными ногами. Со стрелами в спине.

Он понял, что победы сегодня не будет.

Примерно в это время высокий, облаченный в белый костюм фронт предложил журналистам «Тиградом» название мясорубки, ставшее впоследствии официальным.

Лунная Фантазия.

Гарки находились чуть дальше, косили задние, не измотанные штурмом ряды. Его же отряду пришлось отбиваться от морян. Клыкастых, шипастых и невероятно быстрых тварей. Вдвойне злых оттого, что незадолго до битвы гиперборейцы сожгли их штаб-квартиру. Магия на оборотня не действует, убить его в рукопашном бою трудно даже наву, и Драконы пригодились умереть. Они встали спина к спине, отбивались, не надеясь ни на что.

Упал один, другой, потом сразу четверо. Упал Эмиль фон Чавес, магистр логи.

И смеялись толпящиеся на стенах люди. Он видел их лица. Он слышал их смех.

И все труднее было поднимать палицу...

А потом мелькнула когтистая лапа. Он успел отшатнуться. Ни боли, ни ожога, только что-то теплое потекло по лицу. Он успел отмахнуться палицей, понять, что справа уже никого нет, услышать рычание гигантской твари, увидеть ее зеленые глаза...

Провал.

* * *

Муниципальный жилой дом, Москва, улица Строителей, 7 августа, понедельник, 02:15

Провал.

Витольд открыл глаза и уставился в потолок.

Точнее – в темноту над головой.

Первая мысль: «Кричал?» Если да, то неприятно. Витольд не любил показывать слабость кому бы то ни было. Прислушался: вроде все спят. Значит, на этот раз не кричал. Впрочем, ничего удивительного: последний год сон снился все реже и реже, яркости поубавилось, эмоции уже не были столь сильны. Теперь Витольд лишь скрипел зубами, стискивал кулаки и потел.

Несколько секунд на то, чтобы выровнять дыхание. Затем приподнялся на локте и посмотрел на постель, так и есть: на подушке и простыне следы влаги.

Провал.

Сон всегда заканчивался черным провалом. За мгновение до того, как моряна нанесла следующий удар, молодой чуд провалился в активизировавшийся портал. Его называли счастливым. Навы, исполняя приказ князя сокрушить военную силу Ордена, заблокировали на поле боя магию перехода, сделав бесполезными спасительные «дырки жизни». Но сплетенная темными сеть не была прочной, слишком много арканов витало вокруг дворца, слишком сильными были всплески магической энергии, а потому некоторым рыцарям удалось уйти через порталы. Ундер провалился в приемный покой Московской обители, нейтрального эрлийского монастыря, лучшего госпиталя Тайного Города.

И следующий удар моряны, который должен был стать последним для Витольда, прошел мимо. Когтистая лапа рассекла воздух...

Провал.

Почему активизировалась «дырка жизни»? Ундер был уверен, что не трогал ее, забыл в горячке боя. Или подсознательно не хотел показаться малодушным?

«Неужели струсил?» Эта мысль мучила его с самой Лунной Фантазии.

Провал.

Влажные простыни. Влажная от пота подушка.

Сон. Провал.

Витольд негромко выругался, поднялся, натянул джинсы и осторожно выглянул в холл.

Тишина.

Квартира у родителей большая, четыре комнаты, его – самая дальняя, чтобы дойти до кухни, нужно пройти весь коридор. По возможности бесшумно. Витольд не хотел ни с кем общаться. У родительской спальни Ундер остановился, прислушался. Отец чуть похрапывает, дыхание матери едва уловимо.

Мать всегда была покладистой, принимала сторону отца, не перечила ему. Спокойная. Сдержанная. Надежная. Настоящая чуда. Она казалась немного отстраненной, и только после смерти Оскара, старшего брата, Витольд понял, как мать на самом деле к ним относится. Понял, увидев ее на кладбище, услышав и на всю жизнь запомнив ее крик. Отец стоял молча, вцепившись в плечо младшего сына, Аскольда, лишь желваки ходили. Мать же дала волю чувствам. А потом, после похорон, она стала путать среднего сына со старшим. Несколько раз называла Витольда Оскаром. Он не поправлял. Потом мать лечили эрлийцы. Месяц в Московской обители, затем полгода на специальных травяных настоях. Сейчас мать снова в норме. Спокойная. Сдержанная. Надежная. Но теперь в ее уравновешенности Витольду чудилось совсем не то, что раньше.

В следующей комнате сопел десятилетний Аскольд. Маленький Дракон, которому тоже снились сны о войне. Красивые и яркие сны, в которых он – непобедимый герой – мечом и магией спасает мир от злых врагов. Когда-то Витольду они тоже снились. Веселые, насыщенные, благостные, как книжки, что челы пишут для подростков.

Отличные сны. Гораздо лучше тех, что приходят к нему теперь.

Ундер добрался до кухни, но свет включать не стал – привык к темноте. Дошел до мойки, открыл кран и жадно припал губами к струе холодной воды. В первые месяцы после Лунной Фантазии, когда сон мучил его особенно часто, Витольд обратился за помощью к эрлийцам и получил от них бутылку хитрого настоя, рюмочку которого рекомендовалось опрокидывать на ночь. Желательно – под хорошую закуску. Не помогло. Сон продолжал приходить, невзирая на старания лучших в Тайном Городе врачей, а у Витольда выработалось свое правило: не настой на ночь, а холодная вода после сна. Много холодной воды. Очень много.

Вода освежает. Успокаивает. Бодрит.

Увлечшийся Витольд не услышал шагов. Среагировал лишь на включившийся свет. Вздрогнул. Не оборачиваясь, быстро просканировал кухню, понял – отец, и продолжил пить.

– Опять сон? – Вильгельм Ундер тяжело опустился на табурет. Подпер рукой голову и устремил на сына взгляд. – Та же дрянь?

– Я все-таки тебя разбудил?

– Нет. – Ундер-старший помолчал. – Я почувствовал.

– Извини. – Витольд оторвался от крана, выключил воду, вытер полотенцем руки, губы и уселся напротив отца. – Мать спит?

– Да.

– Хорошо.

И отвернулся к окну.

Вильгельм вздохнул. Едва поборол желание добраться до холодильника, в котором пряталась бутылка водки, и налить. Себе и сыну. Сдержался. Опустил взгляд на стол.

Когда-то Ундеру завидовали. Мало того, что у Вильгельма было трое детей – большая редкость в Ордене, так еще и все трое – мальчики. Сыновья. Наследники. Ундер, разумеется, старался вести себя скромно. Сдержанно принимал поздравления, понимая, что если и завидуют, то по-белому, без зла, не задирали нос перед менее удачливыми друзьями, но в глубине души, конечно, радовался как безумный. Бывало – чего греха таить? – мысленно ставил себя выше других. Бывало. Теперь пришло время платить.

Оскар погиб во время Лунной Фантазии. Схватился с гаркой и получил два удара, крест-накрест рассекших грудь. Катаны гарок только кажутся тонкими, чудские доспехи, если нет магической защиты, навская сталь рубит беспощадно. А защиты уже не было. Уже не было... Вильгельм сумел вынести тело Оскара с поля боя, добрался до Замка, положил рядом с другими рыцарями, не пережившими Лунную Фантазию. И застыл как истукан. Без движения, без звука, с прикрытыми глазами. Только губы Вильгельм кусал. Сильно, до крови.

В тот момент он думал, что потерял одного сына. А потом к Вильгельму подошел Мортимер, двоюродный брат по отцовской линии, и сказал, что Витольд ранен.

За тот короткий период, что Гюнтер Шайне занимал пост мастера войны, он успел совершить много. Чересчур много. Приняв помощь гиперборейцев, он настроил против Ордена весь Тайный Город. Оpozорил рыцарей нападением на школу Зеленого Дома. Проиграл войну, поставив Великий Дом на край катастрофы. И какое теперь дело до того, что Гюнтер оказался наркоманом, прочно сидевшим на Золотом Корне? Сделанного не воротишь. И боевые лицензии, которые Шайне выдавал с невероятной легкостью, подписывая буквально любое прошение, не аннулируешь. Восемь романтически настроенных щенков, безумно боявшихся пропустить самую славную победу в истории Ордена, успели получить чин корнетов и отправиться под стены Зеленого Дома. Вернулся только один – Витольд.

Вильгельм понимал, что сын изменился. Становление произошло слишком рано, слишком страшно и серьезно покорежило его. Рыцари, несмотря на господствующую в Ордене философию воина, относились к молодым внимательно и крайне осторожно, тщательно следили за тем, чтобы юноша в правильное время и нужным образом познавал реалии жизни, чтобы не сломался, чтобы понял все так, как надо. Грязь? Да, грязь есть, куда без нее? Но если в дерьмо окунется парень подготовленный, он вряд ли сломается.

Витольда же не просто окунули. Витольда едва не утопили в грязи.

И первое, что сделал Ундер, закончив лечение, – отозвал прошение о приеме в гвардию великого магистра.

Сломался?

С выводами чужды не торопились. Армейские эмиссары поговорили с родителями, с самим парнем, попытались понять: почему? Витольд отвечал, что хочет отдохнуть. Гвардейцы кивали головами и думали, что делать дальше. Им не хотелось терять юношу. И не только

потому, что Орден чувствовал вину за случившееся: Витольд демонстрировал превосходный уровень магических способностей, что обещало блестящую карьеру.

Но он хотел отдохнуть.

В конце концов было принято половинчатое решение. Боевую лицензию не аннулировали, чин корнета и даже небольшое денежное содержание сохранили, но при этом отправили в отпуск. Гвардейцы надеялись, что рано или поздно парень одумается.

Витольд снял маленькую квартиру и поступил в средней руки человский институт.

– Не хочешь еще раз обратиться к лекарям? – поинтересовался Вильгельм после паузы.

Как же тяжело предлагать такие вещи собственному сыну!

– К нашим?

– Лучше к эрлийцам.

– К ним я уже обращался.

– За успокоительным, – уточнил Вильгельм.

Витольд помолчал, затем в упор посмотрел на отца.

– А зачем обращаться теперь?

– Пусть они помогут тебе забыть, – тихо, но очень твердо ответил Ундер-старший.

Витольд не возмутился, не обиделся. Просто осведомился:

– Для чего?

– Мне кажется, так будет лучше.

– Тебе кажется или ты уверен?

– Кажется, – признал отец.

– Вот видишь, ты не знаешь. – Губы Витольда дернулись. То ли скривился, то ли попытался улыбнуться. – А ведь мы говорим о части моей жизни. Как я могу ее забыть? И зачем?

– Чтобы спать спокойно. – Теперь Вильгельм смотрел на татуировку сына: прямой рыцарский меч, который обвивают и грызут две змеи. Многие прошедшие Лунную Фантазию воины сделали себе такую отметку. Чтобы помнить. Чтобы не забывать. – Ты должен понять, что ничего не закончилось. Что у тебя еще все впереди.

– Я знаю, что у меня впереди.

– Что?

– Жизнь.

– Какая?

– Моя, – твердо произнес Витольд. – Моя.

Он постарался ответить максимально корректно, знал, что не имеет права грубить отцу.

Витольд мог с ним не соглашаться, мог упрямиться, стоять на своем, но грубить – никогда. И не только потому, что это его отец. Нет, не так. В первую очередь потому, что Вильгельм – его отец. И лишь во вторую – потому, что Ундер-старший тоже сражался под стенами Зеленого Дома, вырвался из мясорубки и вынес на плечах старшего сына. Весельчака Оскара, получившего свое от безжалостных гарок.

Витольд знал, что отец до сих пор переживает. И о гибели Оскара, и о том, что Витольд оказался в том сражении. Но Вильгельм продолжал жить так, как раньше: служил Ордену, чтит традиции, не обвинял тех, кто направил чудов в кровавую мясорубку.

Верный сын Ордена.

Годы ему помогли. Прожитые годы.

У Витольда такого запаса прочности не было.

– И как ты намерен устроить *свою* жизнь?

– Все очень просто, – пожал плечами Витольд. – Все забыть? Нет, не выход. Для начала следует обратиться к эрлийцам за успокоительным помощнее. В последние месяцы сон приходит редко, но дополнительное лекарство не помешает. Затем имеет смысл направить повторное прошение в гвардию. У меня действующая боевая лицензия, опыт и хорошие способности.

Мне не откажут. Проверят, конечно, но я в себе уверен: все пройдет хорошо. А маленький скелет есть в шкафу у каждого...

– Витольд...

Но Ундер не позволил отцу перебить себя.

– Учеба, затем карьера. Через пару лет я стану полноправным гвардейцем. К этому времени вы с матерью подберете мне хорошую девушку... или я сам ее найду – не важно. Главное, появится семья. И, очень надеюсь, – дети. Это будет здорово.

Витольд говорил спокойно и уверенно. Не ерничал. Не иронизировал. Деловито и последовательно излагал возможное будущее. А потому Вильгельму оставалось лишь кивнуть и согласиться:

– Да, это будет здорово.

– Проблема в том, отец, что однажды начнется новая война, – негромко продолжил Витольд. – А я не понимаю, почему должен воевать? Зачем мне сражаться? Ради чего? Пока я не могу ответить на этот маленький вопрос. Если отвечу – все будет так, как я только что сказал.

– А если не ответишь? – угрюмо поинтересовался отец.

– Мне наверняка постараются помочь.

Несколько секунд отец и сын смотрели друг другу в глаза.

– Для чего все это? – тихо спросил Витольд.

– Что именно?

– Наши войны. Сколько тысяч лет Великие Дома заперты в Тайном Городе, столько тысяч лет мы воюем. В чем смысл?

– Войны между Великими Домами начинаются только в том случае, если один из них опасно укрепляется и начинает представлять угрозу для остальных, – без особой охоты ответил Вильгельм. Он чувствовал, что не готов к столь серьезному разговору, но не мог остановиться, не мог уйти: в последнее время сын нечасто пускал его в свой мир.

– По нам ударили и люды и навы. Мы представляли угрозу?

– Разве ты не знаешь?

– Я хочу, чтобы ты мне ответил.

– Да, – спокойно подтвердил Вильгельм. – В той войне мы представляли угрозу для Темного Двора и Зеленого Дома. Очень серьезную угрозу. У нас был шанс поставить их на колени.

– Для чего?

– Когда-то мы владели миром. – В глазах Вильгельма мелькнула гордость, голос стал тверже. Он не просто диктовал сыну прописные истины – он верил в то, что говорил. – Теперь вынуждены выживать. Не мудрено, что наши лидеры пытаются найти способ вернуть Ордену лидирующее положение. Сначала в Тайном Городе, затем во всем мире.

– Для чего?

– Разве это не естественно? Или мы будем стремиться вперед – или исчезнем, растворимся. Чудь существует только до тех пор, пока живы настоящие чуды. Чудь – это не просто слово, а кровь и традиции, история и будущее. Я хочу, чтобы мои дети были чудами, а не кем-либо еще. И мои внуки. И правнуки.

– А войны...

– Войны – результат того, что лидеры других Великих Домов рассуждают точно так же. Всего лишь результат – не более.

– То есть гибель Оскара – это результат результата?

Витольд не хотел грубить. Отчаянно не хотел. Так получилось.

– Не надо ковырять мои раны, молодой рыцарь, – негромко произнес Вильгельм. – Попробуй сначала залечить свои.

Поднялся и вышел из кухни.

И выключил за собой свет.

А Витольд сжал кулаки так, что ногти продавили кожу ладони.

«Извини! Пожалуйста, извини!»

Витольд знал, что отца мучило его решение отозвать прошение о приеме в гвардию. Вильгельм гордился средним сыном, особым сыном. Вот Оскар был настоящим Драконом – мощным, крепким, сильным и едва способным к магии. Аскольд, судя по всему, рос таким же. А способности Витольда могли поднять его очень высоко, он мог стать командором войны, а то и мастером. Даже сам великий магистр Франц де Гир, в бытность свою мастером войны, отмечал одаренного Дракона. Но Лунная Фантазия изменила все.

Потерялся смысл.

Однако Ундер не был до конца откровенен с отцом. Точнее, не смог донести до Вильгельма основную мысль. Витольд прекрасно понимал, для чего ведутся войны. Его смущало, что за тысячи лет существования Тайного Города ни одна война Великих Домов не была доведена до логического конца, что все они обязательно заканчивались переговорами.

«А темным и зеленым не место в нашем мире!»

Спать не хотелось. Витольд снова попил воды, посмотрел на часы, усмехнулся, вытащил из кармана телефон и набрал номер.

– Не разбудил?

* * *

Павелецкий вокзал, Москва, Павелецкая площадь,

7 августа, понедельник, 04:24

Зоря. Зорюшка. Милая Зорюшка.

Зоря.

Короткое имя. Такое нежное и ласковое в любящих устах, что хочется закрыть глаза и улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Такое славное имя.

Чужое.

Она постаралась сделать его чужим. Забыть. И того, чьи уста шептали «милая Зорюшка...». И того, чей крик ласкал душу и сердце.

Их нет.

Забыть.

Она хотела уйти в ничто, и ей позволили это сделать. Забыть все: имена, смех, радость и... боль. Рвушую на части боль можно было победить только одним способом: забыть имена, смех и радость. У нее получилось.

Забыть.

Она стала никем.

И только имя, давнее имя, изредка всплывало в памяти.

Зоря. Зорюшка. Милая Зорюшка.

– Внимание! Скорый поезд «Саратов – Москва» прибывает на третий путь...

Сонные встречающие потянулись к платформе, за ними направились не менее сонные носильщики. Вокзал зашевелился, но не слишком сильно. Большая часть людей, спавших в

зале ожидания, лишь поморщилась, услышав очередное объявление, некоторые сменили позы, некоторые открыли глаза, проверили не сданные в камеру хранения вещи и вновь погрузились в дремоту. В зале ждали других объявлений, об отправлении, а потому неинтересное сообщение вызвало лишь раздражение.

Но не у всех.

– Поезда пришел, – коряво сообщил Шнырек, выжидательно глядя на старуху.

– Слышала, – односложно ответила Шума-Шума.

– Давай надо делать? Нет? Потому что ничего у нас, да?

Неумело составленными вопросами голем пытался напомнить хозяйке, что ночь они провели впустую, ничего не раздобыли и теперь следует исправить эту оплошность. Шнырек знал, для чего они ходят на вокзалы: в отличие от метро, в залах ожидания можно разжиться сумкой, а если повезет, то чемоданом или рюкзаком – не все челы сдают багаж в камеры хранения. Вещи хозяйка продавала, а иногда, когда среди рубашек и штанов находились припасенные на отпуск деньги, одаривала голема большой дорогой шоколадкой. Черный шоколад Шнырек любил гораздо сильнее, чем дешевые батончики, которые старуха покупала ему через день.

– Делать надо?

Шума-Шума не ответила, и голем с грустью подумал, что сегодня они будут просто толкаться среди челов, стоять у стен, таращась на чужую жизнь, в лучшем случае – попрошайничать. Такие ночи, когда хозяйка не намеревалась брать чужое, тоже бывали. Они бродили по станциям и переходам метро; когда оно закрывалось – по вокзалам, если прогоняли – по улицам, и смотрели, смотрели, смотрели...

Зачем?

Голем не знал.

А понять не мог. Поэтому Шума-Шума ничего ему не объясняла.

Да и вряд ли она смогла бы найти слова, чтобы выразить... не то что голему – люду или челу, ту тоску, что сжигает ее изнутри. Слова давно забыты. Имена забыты. Смех, радость и боль.

Все.

И поэтому, когда тоска накатывала так, что ночь пугала самим фактом своего существования, Шума-Шума молча бродила среди челов. Смотрела. Смотрела. И переставала бояться. Успокаивалась. И даже чувствовала себя частью кипящей вокруг жизни.

Чужой жизни.

Полной имен, смеха, радости и... боли.

– Вещи, – вновь напомнил голем.

Шнырек был слишком туп, чтобы понять, что сейчас не самый удобный момент для кражи. Челы разбужены объявлением, голосами встречающих, если и провалились в дремоту, то их сон стал чутким, а потому утащить чемодан или рюкзак можно лишь отведя жертве глаза. А энергия слишком дорога, большую ее часть Шума-Шума тратила как раз на Шнырька, себе оставляла совсем чуть-чуть...

Да и не было нужды в краже, деньги у старухи пока были.

– Есть хочу, – заявила Шума-Шума и заковыляла к стойке круглосуточного кафе.

Голем угрюмо поплелся следом.

* * *

Жилой комплекс «Дом в Сокольниках»,

Москва, улица Русаковская,

7 августа, понедельник, 05:33

Встреча должна была пройти обыденно. Витольд давно не был девственником и вел хоть и не разгульный, но и не монашеский образ жизни. В его маленькой квартире бывали и человеческие девушки, и веселые дочки рыцарей. Надолго не задерживались, но недовольными не оставались, опыта Ундеру хватало. Так что визит к Власте он изначально рассматривал как еще одно приключение. Интересное, занимательное, но приключение. Тем более что о любовных способностях горячих колдуний в Тайном Городе слагали легенды.

Но заурядным сексуальным мероприятием встреча не стала.

Во всяком случае, для Витольда.

Податливость ведьмы, легко согласившейся на его визит среди ночи, вызвала у Ундера презрительную усмешку: баба. Потеряла голову и готова на все ради своего желания. Витольд даже цветы не купил – зачем? его и так ждут, – поймал тачку и отправился в Сокольники. А когда оказался у Власты, то немного растерялся. Не из-за того, что жила молодая колдунья значительно лучше, чем он: большая трехкомнатная квартира в хорошем доме, продуманный дизайн, отличная мебель. На подобную ерунду Ундеру было плевать.

Витольд растерялся от того, как его встретили.

– Ты выглядишь грустным.

– Я в порядке.

– Как вчера?

– Даже лучше. – Он помолчал, потом упрямо добавил: – Намного лучше.

Власта улыбнулась краешком губ, и Ундеру вдруг стало стыдно. Понял, что его прочитали, как открытую книгу.

«Неужели я настолько прост?»

Но признаваться в том, что искал встречи ради избавления от тоски, не хотелось.

– Победители не грустят.

– В самом деле?

– Как правило.

«А может, следует сжать ее в объятиях? Прямо здесь, в холле? Прижать к стене, вцепиться губами в губы? Кто знает, чего ищет зеленая ведьма?»

Ундер потерялся. Власта откровенно флиртвала на турнире – при всех флиртвала! – потом охотно согласилась на ночную встречу.

«Ты надеялся, что тебе откроет деверь голая девка?»

– Иди за мной.

Он скинул кроссовки и послушно поплелся в гостиную.

На низеньком столике – бутылка вина, два хрустальных бокала и блюдо с фруктами. Набор стандартный до пошлости. Но Власта ничего не предложила гостю. Прошла через всю комнату и опустилась в дальнее от столика кресло.

- Располагайся.
- Где?
- Где хочешь.

Витольд усмехнулся и уселся прямо на ковер. Прислонился спиной к дивану, положив локоть на мягкую кожаную подушку, потянулся.

- Хорошая квартира.
 - Родители подарили.
 - Я так и подумал.
 - Врешь, – не повышая голоса, произнесла девушка. – Ты подумал иначе.
- Ундер слегка передернул плечами. Но взгляд отвел.
- Я ничего не знаю о тебе. Поэтому имел право думать все, что хотел.
 - Хороший ответ, – спокойно кивнула Власта. – Честный.

«Ведьма! Зеленая ведьма!»

Ундер неожиданно подумал, что остался один на один с колдуньей и совсем не думает о защите. Кто знает, что придет ей в голову? И тут же посмеялся над собой. В душе. Незаметно.

«Какая еще защита? Зачем?»

Власта была одета в шелковый халат, тонкий, но совсем не игривый. Не вызывающе коротенький, выставляющий напоказ бедра, а длинный, до пят. И без пресловутого глубокого выреза на груди. Женственная фигура угадывалась, но не более того. Светлые волосы девушка аккуратно зачесала назад, на лице ни грамма косметики, большие зеленые глаза внимательны, без того огонька, который ожидаешь увидеть, приезжая к женщине среди ночи.

На мгновение Ундеру показалось, что он оказался у друга.

Или у психотерапевта.

- Ты хочешь быть сильным, Витольд.
- Все хотят.
- Но не все ломают себя, отказываясь даже от намека на слабость.
- Разве есть другой способ стать сильным?

Девушка помолчала. Улыбнулась.

– Твой визит ко мне – это проявление слабости или силы?

«Чертова ведьма!!»

В комнате царил полумрак, который невозможно создать с помощью электрических ламп. Два «светлячка» в разных углах гостиной пытались играть роль малюсеньких солнц. Переливались, перемигивались, заставляя плясать то светлеющие, то вновь набирающие черного тени.

«Слабости или силы?»

На какой-то миг Витольд пожалел, что приехал к Власте.

Но только на миг.

– Я знала, что ты позвонишь, только если станет плохо.

– Откуда?

– Прочитала в твоих глазах. – Она провела руками по бедрам. – К тому же, когда плохо, часто совершают странные поступки. Ищут странное общество.

«Что же странного в том, чтобы приехать к женщине?»

Ундер почти задал вопрос. Почти. Остановил себя в последний миг. Сообразил, что Власта не просто ответила, что она сказала...

– Тебе тоже плохо?

Витольд спросил без вызова. И без того интереса, с которым большинство из нас слушает истории чужих бед. Спросил как друга. Мягко. Тонем, в котором затаилось предложение помощи.

– Мне трудно ответить на твой вопрос, – медленно произнесла Власта. – Если скажу «нет», это будет неправдой. Если скажу «да» – тоже солгу. Мне не плохо. Мне просто не так, как всегда.

– Давно?

– Не очень.

– Странно.

– Почему?

– Ну...

На ум пришло: «Потому что ты не воевала, не теряла брата, твоя мать не сходила с ума...» Но Витольд не мог так сказать. Жаловаться на жизнь? Рассказывать о тяжелой доле? Рыцарю?

– Потому что я молодая, красивая, с блестящим будущим? – пришла на помощь Власта.

– Ага.

– Ты действительно думаешь, что для счастья этого вполне достаточно?

«Для тебя – да!»

И на этот раз Ундеру удалось не высказать первое, что пришло на ум.

«Все зеленые ведьмы – набитые дуры!» Увы, но Витольд засомневался в истинности бытующей в Ордене аксиомы.

– Так что тебя беспокоит?

– Поделится историями?

Он едва не согласился. Заставил себя остановиться в самый последний момент. Опомнился... Или вновь закрылся?

– Я... пока не готов.

Власта услышала то, что хотела, – «пока». Улыбнулась. Грациозно поднялась с кресла, подошла к столику и наполнила бокалы. Постояла спиной к чуду, помолчала, затем развернулась, подошла и присела рядом.

– Тогда выпей, молодой рыцарь. Выпей. Это очень хорошее вино.

Он сделал маленький глоток, глядя прямо в зеленые глаза ведьмы, медленно поставил бокал на пол и молча потянулся к ней.

На сколько часов он провалился? На десять? На сто?

Или всего на несколько минут?

Витольд не знал.

Была ли зеленая колдунья столь хороша в постели, как обещали скабрзные рассказы рыцарей?

Витольд не знал.

Была ли она невинна и неумела?

Витольд не знал.

Ничего не знал.

Он забыл, что искал в этом доме. Забыл, с чем пришел. Забыл свою робость и растерянность. Зато начало встречи, странная прелюдия к романтическому свиданию заиграли другими красками. Плавность разговора, молчаливое, невысказанное понимание, мягкость вдруг перешли в нежность. Невыносимо сладкую нежность, заставляющую отрешиться от всего. Власта сумела сыграть на струнах, до которых не дотягивались ни родители, ни врачи, сумела пробить броню, выстроенную безусым ветераном самой страшной мясорубки последних трехсот лет, и прикоснуться к его душе.

Нежно прикоснуться. Притянуть к себе.

Зачем ей это?

Витольд не знал.

Увлеченные друг другом легко забывают о времени, оставляют его за порогом восприятия, за дверями спальни, ставшей целым миром. Вселенная уменьшается – лишь ее глаза, лишь его прикосновения, – но оказывается очень и очень глубокой – ее глаза ярче всех звезд, его прикосновения уносят в бесконечность. А время умирает.

Время снисходительно к влюбленным, бежит где-то рядом, подобно лесному ручью, журчание которого теряется в шуме деревьев, не привлекает к себе внимания. Время знает, что рано или поздно они вернуться. Вселенная двух сердец станет слишком маленькой, и они захотят расширить ее до размеров остального мира.

...Бутылка вина опустела, фрукты закончились, «светлячки» погасли, а таранящий окна рассвет постепенно стирал ночную тьму, заливая комнату серым утренним светом.

Он знал все о ее гибкости.

Она знала все о его силе.

Им было хорошо. Они лежали на измятых простынях, усталые, умиротворенные и довольные. Вдыхали запах друг друга. Касались друг друга. Чувствовали друг друга.

Витольд поймал себя на мысли, что ему нравится играть с шелковистыми волосами Власты, с длинными, густыми прядями. Нравилось гладить, нравилось пропускать их сквозь пальцы. И особенно нравилось то, что голова молодой колдуньи в это время покоилась на его груди.

Он был готов играть с ее волосами вечно.

– Вчера ты одержал красивую победу, – не открывая глаз, произнесла Власта.

Ундер хмыкнул.

– Не надо смеяться, – пробормотала девушка, – я понимаю, что говорю!

– Не сомневаюсь, что ты видела массу боев.

– В том числе – из-за меня, – уточнила Власта.

– Тебя это возбуждает?

– Нет, – спокойно ответила ведьма. – Победителю никогда ничего не доставалось.

– Почему? – заинтересовался Витольд.

– Дуэли возникают между мужчинами, мнением девушки никто не интересуется.

– То есть всегда побеждали те, кто тебе неприятен?

– Побеждали разные. Но я считаю, что победа в драке еще не повод для того, чтобы на что-то рассчитывать. Я не кубок.

– Хм... – ответить Ундеру было нечего. Несмотря на то что его мировоззрение, мягко говоря, отличалось от высказанных Властой взглядов.

– Но оценить бой я могу, – продолжила ведьма. – И оценила: ты провел красивую схватку.

– Спасибо...

«Я ведь так и не спросил, в чем она специализируется! – припомнил чуд. – Если в боевой магии, то...»

То он услышал похвалу от воина.

– Почему ты бьешься двумя саблями?

Он намотал локон на указательный палец, некоторое время смотрел на светлые волосы, затем ответил:

– Видел, как дерутся двумя мечами гарки. Хорошо дерутся. Сильно. – Вспомнил нагрудник Оскара, который принес домой отец. Помолчал. – Для меня катаны слишком легкие, не чувствую совсем. Перепробовал разные клинки и остановился на танадайских. К тому же мне очень нравится техника, разработанная для этих сабель.

– Танадайцы – это народ?

Сначала Витольд удивился, а потом вспомнил, что в школах Зеленого Дома не преподают углубленную историю Великого Дома Чудь, только общие сведения.

– Танадай – это область, владение ложи Морских Змеев. Техника боя на саблях – это все, что от них осталось.

Была ли интересна Власте старая история? Не слишком. Она не сомневалась, что в прошлом Великого Дома Людь наверняка найдется нечто подобное. Но девушке был интересен Витольд, а потому она не могла не спросить:

– Что с ними случилось?

«Зачем ей это? Из любопытства?»

Но почему не ответить?

– Во время войны Семи наследников, которая положила начало падению империи, Танадай был отрезан от центральных провинций одним из первых. Великий магистр долго пытался восстановить связь с Морскими Змеями, но безуспешно. Затем начались серьезные проблемы во внутренних областях, пришлось перенести столицу, в общем... о ложе...

– Забыли? – прошептала Власта.

– Нет, – покачал головой Витольд. – Великий магистр сделал все, что мог. Но он не все-силен.

– Я понимаю.

– Морские Змеи держались очень долго. Танадай – это узкое побережье, отсеченное от материка скалистой грядой. Перерезать дороги легко, но пройти через горы, если защитники этого не желают, очень сложно. Нападавшие остановились, однако через пару лет взялись за Змеев по-настоящему, ударили магией по океану, отогнали косяки рыб, и в Танадае начался голод. Тогда магистр ложи приказал всем Змеям садиться на корабли и вывел их навстречу вражеским эскадрам. Два дня над морем стояло зарево.

– Они погибли? – тихо спросила девушка.

– Если верить легендам и историческим хроникам, не вернулся никто: ни Змеи, ни их враги. – Ундер задумчиво провел рукой по волосам Власты. – Сгорели все. – Помолчал. – Но кто погиб первым?

– Это важно? – Она постаралась, чтобы вопрос прозвучал как можно более невинно.

– Что важно?

– Кто погиб первым?

– Победа всегда важна, – ответил Ундер. – Даже если она стоит жизни.

* * *

Павелецкий вокзал, Москва, Павелецкая площадь,

7 августа, понедельник, 05:45

Энергии, несмотря на строжайшую экономию, становилось все меньше и меньше. Ярга давно определил для себя уровень, ниже которого нельзя снижать запас ни в коем случае, – количество, необходимое для перехода в другое тело, и теперь с тоской ощущал приближение запретной черты. Из памяти врача он знал, что появление постороннего человека на взлетном поле обязательно вызовет пристальный интерес охраны, а потому не рисковал, невидимкой вышел из самолета, проскользнул в автобус, добрался до здания аэропорта и лишь там, в туалетной комнате, с облегчением рассеял чары.

Теперь Ярга стал видим, точнее, стало видимым тело девушки, которую искала вся полиция Красноярского края. Но, изучив украденную у врача информацию, беглец понял, что связь

между блюстителями порядка из разных областей страны далека от совершенства. К тому же красноярские полицейские искали перепуганную измотанную девчонку, страдающую потерей памяти, и вряд ли могли предполагать, что объект их поисков находится за тысячи миль от Красноярска. А посему передвигаться по Москве можно было абсолютно безбоязненно, по крайней мере в течение ближайших нескольких дней. Главное – не привлекать к себе внимания полицейских, которых наверняка насторожит отсутствие у молоденькой девушки документов, и встреча закончится незапланированным использованием магии.

Впрочем, Ярга был умен и опытен, имел достаточно информации о мире, в который попал, и не сомневался, что сумеет добраться до подходящего тела без лишних проблем.

Деньги, которые он взял у врача, позволяли доехать до города с комфортом, на машине, однако Ярга прятался в теле молодой девушки, время – рассвет, а потому не стал рисковать: в памяти доктора нашлось достаточно криминальных историй, которые начинались с путешествия ранним утром на такси. Ярга побродил по зданию, накормил тело в небольшой кафешке – силы еще потребуются, узнал, что добраться до Москвы можно на электричке, купил билет и сел в поезд.

– Дамой!

Шума-Шума открыла глаза.

– Дамой! – требовательно повторил Шнырек и дернул старуху за рукав. – Нада дамой!

Старая ведьма нашла взглядом часы на стене, зевнула и огляделась. Она опять не заметила, как заснула в зале ожидания. Помнила, что устала стоять, устала ходить и опустилась на жесткое металлическое кресло. Две женщины, занимавшие места рядом, тут же поднялись и пересели, не выдержав запаха грязи, но Шуме-Шуме было плевать на поведение челов. Не нравится – убирайтесь. Какое-то время старуха еще вертела головой, наблюдая за проносящейся мимо жизнью, а потом уснула. Местные полицейские не мешали, они знали, что документы у грязной оборванки в порядке, что есть у нее квартира и пенсия, нелады только с головой, а потому не трогали. Шума-Шума могла спать до утра, но голем, которому надоело торчать на вокзале, имел свой взгляд на происходящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.